

БАЛКОН

МИША БЕРОВ

rep

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Екатеринбург

18+

Миша Беров

Балкон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68251457

SelfPub; 2022

Аннотация

Сергей – добропорядочный человек и хочет приносить людям пользу. Он размышляет об этом, стоя на балконе, а выходя за порог своего дома, осуществляет своё намерение и работает на благо общества. Но между реальностью и ожиданием есть большая разница, и на пути героя появляются неожиданные препятствия. Чтобы решить, преодолеть себя или сдаться, герой опять и опять возвращается на балкон. Завтрашний день для него – большая тяжёлая неопределённость. Как жить дальше? Содержит нецензурную брань.

Содержание

I	7
1	7
2	8
3	9
4	11
5	13
6	14
7	15
8	17
9	19
10	20
11	21
12	22
13	23
14	24
15	25
16	27
17	28
18	29
19	31
20	32
21	34
22	35

23	37
24	39
25	40
26	41
27	42
28	43
29	44
30	45
31	47
II	49
1	49
2	50
3	52
4	53
5	55
6	57
7	59
8	61
9	63
10	65
11	66
12	67
13	69
14	72
15	74
16	75

17	76
18	77
19	79
20	81
21	83
22	86
23	88
24	90
25	91
26	93
27	94
28	95
29	96
30	98
31	99
III	100
1	100
2	101
3	102
4	103
5	106
6	107
7	108
8	109
9	110
10	112

11	113
12	114
13	115
14	116
15	117
16	118
17	119
18	120
19	121
20	122
21	123
22	124
23	125
24	126
25	127
26	128
27	129
28	130
29	131
30	132
Автор	133

Миша Беров

Балкон

I

1

Первый раз вышел на этот балкон лет 15 назад. Тогда я только переехал в новый дом, который стоит на взгорке, и с 13ого этажа обзор показался мне действительно перспективным. Остальные дома: девятиэтажки, пятаки и бараки – не перекрывали световую сеть улиц с фонарями, вывесками, огнями машин и рекламными плакатами. Будучи десятилетним ребенком, я смотрел на них вдаль под внушением сильных эмоций, мечтал о будущем и не испытывал больших потребностей. Позже, спустя пару месяцев, вид уже не вызывал прежнего изумления, и балкон стал местом моих развлечений. Друзья приходили ко мне, и мы бросали на головы людей резинки с водой. Счастье. Смех. Угар. Неудивительно, что мы в таких сильных чувствах ни разу не рассчитали траекторию полета до головы пешеходов. Шарик просто разбивался рядом, а люди отскакивали и дергались. Беззаботное детство.

2

Топленое молоко осталось с пенкой на губах. Жизнь поворачивалась новыми гранями, я пробовал новое. Захотелось покурить, и через 4 года я, прикрыв плотно дверь, закурил «Балканскую звезду». Стою и пускаю дым ртом, кажется, как настоящий взрослый. Здесь же, на этом родном балконе. Мне нужно убедиться, что табак – это чушь и вред. Так первое время я и думаю. О чем разговор вообще?! Но родители уехали на дачу, и я опять вышел чиркнуть зажигалкой. Кстати, надо купить новую пачку. Вечер, и я опять один курю. Как же я люблю один курить на балконе!

3

Ещё пару лет спустя. То же место. Я и мой друг.

– Сега, дай машинку.

– Откуда?! Сам крути.

– Ц.

3 минуты, и «Щ-щ-щ-щ-щ-щ» – тонкая струйка.

– Хорош, Санёк. Умеешь, чертяка.

– На здоровье, дорогой.

– Как сборы?! Стреляешь из пустого рожка, бегаешь?!

– Что б ты понимал, хуйло ты тепличное! Ты за сколько калаш разбираешь?!

– Я не разбираю.

– Вот и заткнись. У меня время по прохождению пересечённой местности самое короткое в части. А ты ватничаешь, урыльник нажираешь.

– Это правда, конечно.

– Хорошо сидим.

– Подлечи снизу.

– Если серьезно, то хочу в наемники пойти. Платят неплохо. Туда-сюда, и хату куплю. А так, что?! Я же «милитари», ты меня знаешь. Это моё.

– Не сомневаешься в этом?

– Нормально все будет.

– Надеюсь. Ты думаешь, что...

– Подожди. А ты что хочешь?

– В педагогический пойду.

На улице май. Смотря на багровый закат на балконе, мы шмаляли, пили анисовую водку и определялись. Каждому 17 лет. Оба дураки. Он чуть больше, потому что быстро сторел и через года два уже оказался «двухсотым». А я доучился на учителя русского языка и литературы.

4

– Добрая грусть. Идеалистично было с моей стороны, конечно, учиться в педагогическом, зная свой аппетит к материальному. Но я почти не жалею, и ты прекрасно знаешь это. Обучать детишек и заниматься русской словесностью – это настоящее благо без преувеличений. И цацок мне не нужно. Русская литература – монумент нерукотворных масштабов, сердце русской идентичности, гений человеческой мысли. Нерусская – такая же драгоценность. Современный постмодерн, конечно, я не затрагиваю. Но мировое представительство лучших – неграненый алмаз. И я могу приложить к нему руку, поделиться им с молодой порослью и дать ей представление о культуре личности, о анализе. Разве не волшебю?

– Волшебю, если вычесть из всей этой брехни твой фанатизм.

– Знаешь, по крайней мере, тебе я не навру, если признаюсь, что мне действительно хочется учить детей уму. Ты, конечно, прав. Обогатиться будет тяжело, но я не против репетиторства. К тому же, в моих силах добраться до лучших школ города или же открыть в дальнейшем свою. В общем, смогу и буду.

– Изобразить тебя?!

– Ну валяй.

– Русская литература! О, благо! Капли каплют, грозы грозят, земля скудеет. Наш край поразила проказа, но есть тот романтический герой. Нарекли его русской классикой. Выраженная в трёх строчках мысль иногда собирает комья грязи в башни, брошенные слова вырастают из почвы общественного сознания в великих мира сего. Что бы мы делали без неё?! Ее миссия велика и благородна. А её цвет и вкус! Они непередаваемы. А цвет идёт к цветам – цветам жизни, детишкам! Как же я люблю их, будущих правителей и учёных. И пусть я не буду греметь золотом, но моё дело правое. А правое дело не купишь даже золотом.

Похож, не правда ли?! Кúколд, питаться чем будешь?! Жёлтым снегом и корой деревьев?

– Заткнись ты. Лучше пойду подготовлюсь к первому уроку, а то нервничаю и курю уже минут 30.

Пришло время педагогику применить на практике. Я устроился в обычную среднюю общеобразовательную школу неподалеку от моего дома. Рабочих мест для меня на весь район оказалось всего лишь два. К счастью будущего детей, в округе не было нехватки учителей русского и литературы. Я положительно удивился: немало-таки добрых людей, и обошлись бы без меня. Хотя про остальные районы я не узнавал. Поэтому пришлось выбрать из двух вариантов. Один из них – интернат для «особенных» ребяташек. Такой опыт для меня сейчас был бы очень тяжёлым. Я знал некоторых выпускников оттуда, которые жили в бараках на окраине. Не хотелось их знать, прямо скажем. Для интерната во мне пока не накопилось достаточного количества благородства. К тому же, преподавание там предполагает дополнительную специфику: некоторые знания о девиантных детях, может быть, немного жестокого языка или что ещё. В общем, мне нашли место заменяющего на время учителя для 5-6 классов в обычной школе. (-..)

6

Сегодня у меня первый день в новом качестве педагога. Мой кабинет достаточно уютный. Учительский состав, на первый взгляд, не плох. Жаль только, что мужчин мало. Но если с физруком и трудовиком вряд ли найду темы для разговора, может быть, физик – интересная личность. Уже через 10 минут буду учителем, как они. Непривычно. Я несколько волнуюсь. Разложил всё на столе по своим местам, ручку справа, книгу слева, посередине личный план урока. Надо бы успокоиться. Это же всего лишь 5 класс. А звонок для учителя! Шучу. Постараюсь быть хорошим наставником. Кто, если не я, воспитает в них людей?! В меня людское только напихивали. Что ж, возможность стать примером! Уже через 5 минут. Пепельницу бы сюда, конечно.

Прозвенел звонок.

– Здравствуйте, ребята. Рассаживайтесь... Как вас зовут?

Говорите по порядку, я постараюсь запомнить.

– Маша

– Женя

– Альберт

– Катя...

– Приятно познакомиться. Меня зовут Сергей Борисович. Я ваш учитель русского языка и литературы. Вы ребята взрослые, и уже все понимаете. Но я предлагаю вам поговорить на пару, возможно, интересных для вас тем... Можете немного откинуться назад на спинки, расслабиться, но не отвлекаться. Скажите, кому из вас интересна литература?

– Мне!

– Мне!

– Мне! – ещё 10 согласий, что равно около половине класса. Как бы не так!

– Мне лестно, что многие из вас интересуются литературой. Но я скажу честно: мне казалось также лет в 12, а ограничивалось всё механическим потреблением информации, зазубриванием, неотставанием от программы или преуспеванием. Чувствуя свою подневольность, ты начинаешь скучать и убивать время. Так делали многие – так делал и я.

Вам учиться ещё 6 лет, но выйти отсюда вы можете также механически, через дверь, или будучи мыслящими взрослыми людьми... Да, не стесняйся, спрашивай.

– Что такое подневольность? – спросил малец.

– Значит, ты не решаешь сам за себя.

– Понятно.

– Хороший вопрос, задавайте любые непонятные вещи, – надо быть проще.

– Будем с вами разговаривать, анализировать творчество писателей, набираться от них жизненного опыта и расти как личности. Вы не против?! – подмигнул я парнишке, который задавал вопрос.

– Не против, – улыбнулся он.

– Вы не против, ребята? – громче.

– Не против, – засмеялись они.

– Моя цель, чтобы вы не говорили: «Это мне не пригодится». Вы же так говорите?

– Угу, – сказали одни. Другие закивали.

– Это правда, – гыкнул с задней парты мелкий жлоб.

«Свинья под Дубом вековым
Наелась жёлудей до-сыта, до-отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит»,
Ей с Дубу Ворон говорит:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».-
«Пусть сохнет», говорит Свинья:
«Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею».-
«Неблагодарная!» примолвил Дуб ей тут:
«Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жёлуди на мне растут».

Кто, ребята, эта свинья? Кто дуб? Суть басни – перенести иносказательные образы на реальную жизнь. Что хотел сказать Крылов, по-вашему? – Спустя неделю я уже хочу дать им слово. Пусть просыпаются.

– Свинья жирная и плохая!

– Сергей Борисович? Сергей Борисович?

– А.

– Свинья – это злой человек. Он портит природу и не думает о ней, – отличница.

– А у меня мама так говорит! – серый мальчик. – Автор думал. Ну сказал в этой поговорке, что люди не думают, откуда они хорошо живут.

– Молодцы.

– Они не ценят, что есть в их жизни, – опять напомнила о себе отличница. Турецкий марш должен звучать поверх этой детской наивности.

– Сергей Борисович, – позвал меня дерзкий очкарик. – Крылов обзывает любого человека свиным рылом, мне кажется. Но он плохо делает, потому что свинья ускачет к другому дубу. И ничего не будет, а обзывать ее некрасиво.

Да, он прав. Свинье плевать на корни. (..-)

Детишки, в общем-то, не глупые и достаточно добрые. Это благоприятствует моему желанию не быть для них тем учителем, который хлыщет напрапалую, лишь бы в классе были согнутые шеи, смотря на которые приятнее самодовольно пускать газы и требовать только в одну сторону. Конечно, стать для них другом – я не стану, дисциплина должна быть обозначена. Но все, чтобы они немного взяли с уроков. Позже они узнают, что литература – это своеобразное крещение огнем, и я должен научить их языку, на котором легче приобщиться к «святыне». Простите за святотатство, но так я вижу. Надеюсь, что я не ошибаюсь: они будут мне товарищами, и обучение обойдется без нюансов. Со своей же стороны постараюсь объединить самое лучшее: старую школу с новой, пиздюли и демократичность – лучшие условия для их умственного развития.

10

– Ты, сынок, очень хороший человек. Правда, есть в тебе м... Как сказать?!

– Максимализм и недоразвитая лобная доля!

– Да, ты немножечко максималист. Ты хочешь от людей сверхъестественного. Твоя профессия очень высокая. Прекрасно, что ты горишь своим делом в отличие от них. Но не всем же этим учителями быть, как ты! В текучке редкий себя не потеряет. Постарайся быть к ним терпеливей.

– Ладно. Как дела? Ты ходила к врачу?! Всё нормально?

– Все отлично. Не беспокойся. Врач выписал таблетки. Сейчас уже лучше.

– Из-за язвы боль у тебя?!

– Да. Залечу болячки, всё пройдёт. Не волнуйся, дорогой.

– Договорились. Ты когда в гости придёшь?!

– В среду. Приберись, пожалуйста, чтобы мамушка не серчала.

– Хорошо. Для мамушки если только. Иначе не вижу смысла.

– Все от лукавого. Ты просто возьми и уберись, а не ищи оправданий. А?..(невнятно). Ладно, сынок. Я сейчас в магазине. После завтра увидимся.

– Пока.

– Целую.

Я положил телефон и прошел к своему столу. Дети на каникулах, и сегодня мне не надо готовиться к уроку. Вместо этого я вскрыл новую упаковку ароматной смеси Вирджинии и Берли. Просунул ладонь в россыпь и оторвал кусочек мелко нарезанных листочков табака. Мягкий, но не приторный запах сливок и ирисок. Дольче! Выложив на ладонь органическую бумажку, я распределил махровую массу по всей длине сигареты. Нельзя набивать туго, нельзя жадничать – тяга будет слишком тяжёлой, гарь испортит дым. Скрутив, я смочил слюной аппетитный сверточек. Пару стуков по столу фильтром. Успокаивающий шелест бумаги. Быстро накинутый пуховик. Чирк-чирк. Глубокая тяжка. Я закрыл глаза и вздрогнул от удовольствия! (–)

12

Звук уведомления. Сообщение от Рафа.

– Читал декадентскую сопливую литературу и исследую феномен ведомости женского пола. Мне казалось раньше, что даме надо сначала небольшой тычок, а потом спросить, не ушиблись ли. Чем ты больше на поводе, тем более безразличен. Но насколько важно говорить на змеином и пошлом, чтобы залезть в трусы?! Сейчас я думаю всё-таки немного опуститься, поразводить, поговорить им их же сказки. Но тут очень хрупкая грань, как самому не наебнуться.

Не люблю, когда меня отвлекают от курения.

– Так.

– Ну я и решил быть мерзким и назойливым. Я играю в роконосца, чтобы потом сравнить результаты от гадости и нормального человеческого поведения. Уже чувствуется, как низко я пал. Но раз начал исследование, так продолжаю. Це реально мерзость. Я стал мертвецом из гор Двиморберг.

– Немного позже отвечу.

Выключил экран, затянулся и вспомнил, что уже давно не был с девчонкой. Зачем Раф мне напомнил?! Дурак он, конечно. Пусть. Неважно. Я уже пару лет живу своим «счастьем»: Достоевский, курево и сон. Все уже было, и всему этому грош цена. Нельзя торопиться. Я хочу учить детей. А самолёты первым делом!

Из комнаты был еле слышен Рахманинов. На конце сигареты ярче загорелся огонь. Дым с паром вышел в холодный осенний воздух. Мокрая листва зашумела от промозглого ветра. Я задумчиво посмотрел вдаль.

Наверное, он Флобера прочитал, раз о женщинах задумался в подобном ключе. Хотя в то время и без него было много заседателей пантеона евнухов. Есть у той литературы своя специфика. Впрочем, как и всегда, конечно.

Осталось треть скрутки, и я немного расстроился.

Интересно, а, может, мне делать собственные рецензии для ребят на авторов и произведения?! Без личной предвзятости, насколько это возможно, естественно. А потом обсуждать... Неплохая идея.

Я затушил бычок и покинул балкон.

Кстати, надо с учителями пообщаться. Уже два месяца преподаю, а до сих пор отщепенцем сижу в классе.

– Ха-ха-ха, – подтолкнул меня под локоть физик:

– «Поручик Ржевский в гостинице поднимается по лестнице на лошади.

– Что вы делаете?!

– Но в лифте ее всегда тошнит!» Неплохо, неплохо! – качнул он головой с искусственным смехом после прочтения очередного анекдота с какого-то шакального паблика, посчитав, что мне, как учителю литературы, будет интересно слушать его юморески.

– «Глядя на происходящий вокруг бред, иногда хочется поехать в Москву и узнать, не появился ли там на Патриарших прудах, Воланд со своей компанией». Хах! И не говори! Дичь творится!

Как же это плохо! Настолько плохо, что я даже улыбнулся от испанского стыда. Физик воспринял мое поведение как искреннюю радость и продолжил. Тем временем, в конце его кабинета физрук смотрел телевизор, а трудовик разливал чай.

– А тут уже про меня. Слышь, Дюха! «Физик, который спит с учительницами истории, литературы и английского языка, в действительности не закоренелый бабник, а истинный гуманитарий.» (-)

Физрук, не отрываясь, смотрел в экран.

«Радикальное исламское движение Талибан, контролирующее Афганистан, выдвинуло войска на северную границу страны. По информации пресс-центра начальника генштаба вооруженных сил Талибана, Афганистан находится в боевой готовности нанесения превентивного удара по соседним государствам в случае дислоцирования вблизи границы военных баз...»

– На то и расчет был, – повернулся ко мне и физику физрук. – Американцы же вряд ли просто так ушли. Знали, что талибы щас придут и подготовят поляну для повторного вторжения! Понятное дело, уже вместе с Казахстаном и прочим!

– Вроде у них нет общей границы.

– Да, я тебя умоляю. Есть – нет!! Их вон эти же и спонсируют. Как слово это называется?! Бляха-муха. Бенефициары, точно.

– Дюхач, там же ещё и Таджикистан.

– Да я тебе говорю! Помнишь моего дяхана?! Он прапором в мотострелковых служит. Пару лет назад его в Афган занесло, ну он там забазарился за «жили-были» с ихним дневальным. Не знаю как, правда... Да выучил язык уже за столько лет, наверное, или на тарабарщине. Да пёс с ним,

короче говоря. Этот дух его повел хранилище смотреть, а там оружие НАТОвское. Сам говорит, мол американцы та-либов прикармливают... – доморощенные конспирологи вошли в раж. Трудовик молчал и, увидев мой интерес к боксу в рекламе, спросил: «Видал на выходных Смит-Сильва?»

Поговорили. Оказался хорошим мужиком. Пригласил его к себе в следующий раз турнир посмотреть.

Вернулся к себе в класс. Уроки закончились, и передо мной стопка тетрадей с домашней работой. Начну, допустим, с этой, где Mercedes. "С помощью порядка слов мы выделяем важное слово. Слова могут заменять разные от его смысла места. Так, например, одно предложение можно сказать по-разному, и его смысловое значение изменится: Миша купил лыжи. Лыжи купил Миша. Миша лыжи купил. Существует два порядка слов: прямой, где подлежащее предшествует сказуемому, и обратный, в котором сказуемое предшествует подлежащему. Если логическое ударение падает на слово в конце, то интонация спокойная: Миша купил лы́жи. Если ударение падает на слово в начале предложения или в середине, то интонация напряжённая: Миша купи́л лыжи." Все правильно. Если б многие прочли, то, может быть, больше понимали в эмпатии. Ладно. Взял следующую. Ещё тетрадей 15.

Оторвал глаза от рабочего стола и потянулся. За окном уже было темно. Февральская непроглядная метель подсвечивалась оранжевым цветом фонарей. Я устал. Но нужно написать небольшой обзор на Чехова. Если не напишу, из чего, интересно, ребенок должен синтезировать собственное мнение, когда после небольшой автобиографической хвалебной сводки об авторе и его маленького рассказика, неокрепший мозг контузят блиц-опросником. Бедняга ещё не научился литературоведческому анализу, дайте ему пару качественных многосторонних исследовательских работ, и он сделает не хуже, адаптировав оценку под свой интеллектуальный уровень. Вместо этого, от него требуют выстрадать бред в отсутствие предложенной альтернативы. В принципе, метод живого диалога верный, если ребенок не чавкает соплями и представляет оппозицию. Но такое возможно только после продемонстрированного примера.

Я налил кружку крепкого чая, закапал увлажняющим раствором рябь в глазах и, пообещав себе покурить сразу, как завершу рецензию, сел за стол и написал «Анализ рассказа А.П.Чехова "Пересолил"». (1)

«"Пересолил" – один из сатирических рассказов Антона Павловича Чехова... В нем виден особенный почерк автора. Отличие его в тонком юморе, чистоте и отсутствии отвлеченных лирических отступлений. Все внимание читателя Чехов всегда обращает к идейному содержанию произведений, к самому главному. Автор подчеркивает наглядные, извечные черты человеческого характера при помощи сатирических приемов. В рассказе нет портрета персонажа, чем Чехов жертвует, сжимая объем произведения и повышая его удельную комическую остроту. Внутренний монолог раскрывает мысли героя, дополняя общую сюжетную картину. К примеру: «Действительно, лес... – подумал землемер. – А я-то испугался!» Пейзаж также дополняет чувства и характеры персонажей посредством гротеска и гиперболы – художественная реальность искажается в сторону комической неправдоподобности, в которой суть рассказа воспринимается с юмором и бóльшей очевидностью... Диалог является, пожалуй, главным приемом автора в данном рассказе. Ярко обрисовать ситуацию получается, в первую очередь, благодаря общению персонажей: « -...На вид-то я худой, болезненный, а силы у меня, словно у быка... – Караул! Караул!» Диалоги Чеховских персонажей не изобилуют вычурными, мудреными эпитетами, но повышают градус юмора, держат читатель-

ский интерес, исполняет роль фабульной основы... Большой талант Антона Павловича заключается именно в его немногословной остроумной простоте и жизненных сюжетах.»

– Саша, спасибо, что прочитала. Для вас это пример, как в следующий раз можно написать сочинение или анализ по прочитанному. Я от вас не требую подражательства – просто предлагаю пищу для размышлений. Мне нужны ваши мысли.

– А когда будет сочинение?

– Не волнуйтесь, мы ещё новую тему не начинали даже, – если бы ещё и удовольствие получать от процесса, то и вопросов таких не будет.

– Так. Вернёмся к рассказу «Пересолил». Вам понравился рассказ, кстати сказать?!

– Да.

– Очень хороший рассказ.

– Поучительный! – отличник.

– Нет.

– Хорошо. Мне тоже очень нравится. Сейчас для вас задание на следующие 5-10 минут. В парах, как сидите, обсудите в свободной форме, что именно вам понравилось и не понравилось в этом рассказе. Не стесняйтесь, не сковывайте себя. Прямо говорите, например: «Землемер перед въездом в лес явно «пересолил», пытаясь скрыть трусость. Очень выразительный эпизод, мне он понравился». Понятно? Стартуем.

Парта 1.

– Мне понравилось, что название «пересолил» и поведение Глеба Гавриловича очень одинаковые. Например, когда землемер заехал в лес, больше всего тогда одинаково, – умница исподлобья посмотрела, слышу ли я её. Для того-то и предназначался повтор моих слов.

– Юмор автора смешной. Что всё время герой только трусливей становится, но на вид наоборот. Рассказ поэтому мне понравился, – налил воды умник.

– А мне...

Калька. Нет анализа. Сказка про белого бычка.

Парта 2.

– Прикольно, что очень насыщенный рассказ. То есть, холоп смиренный, а землемер со своей комичной убогостью сразу начинает строить из себя дворянина. Ещё и описано смешно, – первый.

– Сук, какая же всратая графа, – не отвлекаясь от экрана телефона, ответил второй.

– Что за лох за кустом?! Вынеси его уже, – придвинулся первый.

– Хааа, бля. Обоссал бомжа.

Я подошёл ко столу и обратился к первому:

– Присоединяйся к той парте. Пообсуждай с ними, не

трать время, – повернулся ко второму: – А ты из-за отсутствия партнера не участвуешь в обсуждении. Поэтому минус, – Лёгкое отстранение, может быть, пойдет ему на пользу, хотя, честно говоря, ничего личного.

Парта 3.

– Наш тренер по «смешке» такой же. Когда его дисциплина не устраивает, он начинает орать, но чисто на мелких.

– Только и может под нос подпёрдывать, терпилоид. (...)

Ребята стали немного лучше рассуждать. Немного! Лучше не на столько, сколько предполагает скоротечное развитие детского ума за год. Или нет. Я не уверен. Буду надеяться, что мой уже бой по счету, по личной программе подготовленный урок дал им больше пользы. Правда, сейчас хотелось бы поработать со старшеклассниками. Чем умственный арсенал богаче, тем шире сравнительный спектр – на имеющейся базе сколько-нибудь прочитанного ребенок способен на собственное мнение. Сейчас же его подспорье – это басни Крылова, учебник и мои байки-рассказики.

Я зажёл сигарету под весенние крики ласточек, через стекло двери наблюдая за боем Хаким-Смит.

Настроение, честно сказать, неудовлетворительное. Жизнь подрастеряла качество за год моего преподавания. Ещё и Смит проигрывает по раундам. Не дышит. Ц. Хаким просто разбирает его по уровням. Блять, давай родной. Не спекайся. Раз-два. Ну-у-у. Ещё. Пара акцентированных ударов. Нокдаун. 10. 9. 8. 7. 6. 5. 4. 3. 2. 1. Судья скрестил руки. Я закрыл глаза и покачал головой.

На балкон вышел Рома (трудовик).

– Смита в 7ом раунде вырубили.

– Видел. Ублюдство...!!

– Когда смотрел «кэфы», посмеялся над букмекерами. У них память золотой рыбки. Ставят на проспектов, учитывая только впечатление от прошлого боя. Дауны. И вот уже второе поражение подряд. А начинал, кстати, технично. Работа на ногах профессиональная.

– Самая тупая, деструктивная и настоящая боль. Глоток горя для истинного конфедерата.

– Есть такое. Когда он в первый раз проиграл, я ходил, как опущенец. Обидно за своих пацанов, когда в низ ростера опускаются. Может, сильнее вернётся.

– Я на стейрдауне почувствовал, как он ментально проседает. Но это же не повод не платить фанатской преданностью и любовью.

– Да я тоже верил в его победу.

Рома похлопал меня по спине, начиная улыбаться от моего удрученного вида.

– Ладно. Кончай проигрывать надо мной. Что такой чахлый-то? – он налил себе в стакан отвёртку. – Будешь?!

Я кивнул и взял стакан:

– Вальхалла, прими воина!!! Вложи в его сердце сил или

воздай все почести. Он заслужил это! Смит, я с тобой!

Опрокинул содержимое стакана в желудок.

– Великолепный слог, генерал Ли. Но что с лицом?!

– Ну ты же видел оглашение судей.

– Да и до этого не сильно ты радовался.

– Нормально всё. Немного так. Расстроен.

– Что так-то?

– Не знаю. Я же по особой программе готовлюсь к урокам.

Сил ни много ни мало, но трачу. В итоге, что имеем: как ходили эти дурачки, так и ходят. Никакой оценки своего труда я не получил. Никакой обратной связи.

– Ты хорош, Сега. Взял на себя их воспитание. Кроме тебя, никто из нас так себя не нагружает.

– Ясное дело. Мои ожидания – мои проблемы. Поднял для себя планку, а реальность всё испортила.

– Не выдумывай все это. Зачем себя так мучить?! Или я тебя не понимаю...

Правда, как же ему плевать, подумал я, и подавляющему числу учителей. Их профориентация – это низкий проходной балл. Или устали, как я, и сидят, чай пьют. Или я возомнил себя Ганди, когда думал, что преподавательская деятельность – воспитание из ребенка сверхчеловека. А прохождения новых этапов, уровней, повышений в этой профессии нет. Что можно воспринять достижением в преподава-

нии?! Благодарность учеников, которых я ещё не воспитал?
Ради нее всё? Но не такой же я мелочный.

– Что не так-то?! – переспросил Рома.

– Да нет. Все хорошо. Надо попросить дать мне 9-11 классы, чтобы я на новый этап перешёл. (–)

– Сергей Борисович, роль посложнее твоей будет! – произнесла директриса. – Не слишком ты самоуверен?! Поди, быстро накушаешься и передумаешь ещё. Мелких ложку учил держать, а теперь выпускников вести? Не знаю, не знаю.

– Я спросил Наталью Александровну. Она готова со мной поменяться. Я, по крайней мере, попытаюсь. Есть такая возможность для меня?

– Сергей Борисович, я не против. Но я потом пяток сверкающих твоих не увижу? Вас у меня много, а у вас – одна. Понимаешь?

– Вроде того.

– То-то и того, ага. – Для вида фыркнула она. Для субординации. Видно, что согласится, в пару поз ещё встанет и согласится.

– Чего вдруг так порываешься?!

– Для опыта. И я по программе 5ых – бых меньше работал, чем с материалами выпускников.

– Опыт?! Наберёшься у нас и поминай как звали. Не из робкого десятка Сергей Борисович, не из робкого... Ладно. Я это так. Ты парень хороший. Фасон умеешь держать, – улыбнулась мне она. – Что-нибудь на твой счёт придумаю.

Не наврала. Спасибо. Я уже пару месяцев преподаю у 10ых классов. Сегодня был интересный урок. Обсуждали драматургию Островского. Кроме системной расхолаженности, услышал от пары девочек оправдание деспотизма Кабанихи. Не постеснялись указать пальцем на мою якобы предвзятость и якобы сексизм. Я подумаю над своим поведением. Может, есть зерно здравого смысла в их замечаниях. Сейчас заканчиваю проверку тетрадей. Была толстая стопка, но быстро проверяется. Есть оригинальные сочинения – я вчитался так, что даже отключил звук спортивного канала. Покурил на балконе сигарету любимой Марулы. Вкуснятина. Стали постепенно смыкаться веки, я принял душ и лёг в постель спокойный и почти радостный новому дню. Стоит встать пораньше и погладить рубашки. Я же вроде как хочу быть хорошим учителем. Без презентабельности такого не сочтут.

Лето. Я проснулся. Съел чашу овсянки. Привел себя в порядок. Захлопнул за собой дверь. Поехал готовить спортсмена к ЕГЭ – зимой время у него будет только на чемпионат России по плаванию.

Осень. 2 урока у 8 класса. Перемена. Поиграли в настольный хоккей с Ромой. 2 урока у 10 класса. Перемена. Разогрел рис с котлетами. 1 урок у 11 класса. Поехал к маме в больницу.

Зима. Второй раз за день иду в школу. Детское собрание. Некоторые родители предъявили претензии к моей требовательности. Боятся, что если потомок не станет плебсом, яблоко далеко покатится. Заботливые родители слишком волновались, спрашивая про успеваемость. Похвально и утомительно.

Весна.

После школы и репетиторства читал учебную литературу. На ужин доел рис с котлетами. Всё стало опять бесцветным, но хотя бы... (-)

Сегодня был один не сильно скучный урок. Обсуждали драматургию Островского. Кроме системной расхолаженности, услышал от пары девочек оправдание деспотизма Кабанихи. Совершенно не стесняются указать пальцем на мою якобы предвзятость и якобы сексизм. Я уже подумал над своим поведением. В их замечаниях – одна молодая острая восприимчивость. Сейчас заканчиваю проверку тетрадей. Толстая стопка проверяется медленно. Есть приличные сочинения – я прочитал их, приглушив звук спортивного канала. Покурил на балконе сигарету зрелой Вирджинии. Терпко. Стали смыкаться веки, я принял душ и лёг в постель уставший и флегматичный. Встану пораньше и поглажу свою серую рубашку, остальные валяются где-то. Я же вроде как учитель. Нельзя прийти в спортивном.

Прошел час, второй. Несмотря на утомление, не спалось. В тишине отчётливо звучал безжизненный тик часов. Я открыл окно – на улице было беззвучно. Тучи затянули небо, а фонари уже обесточили. В черной духоте я дошёл до кровати и лёг на другой бок. Часы продолжали мертвенно стучать, отражаясь от стен, которые стали напоминать мне гроб. В душе сделалось невыносимо. Я поднялся с кровати с намерением куда бы то ни было уйти, но ватные ноги превратились в мощи. Страх закричал в моих ушах гомерическим дьявольским голосом, что повторял: «Освободи заложника, освободи заложника». Внутренний ужас не сходил с губ, склеенных между собой и сковывавших мое дыхание. Плечи и бедра были не в силах двигать неподъемными конечностями. Тело загустевало и коченело в сатанинском мраке, сорбентом поглощавшим свет в моем сердце. Я пытался высвободиться, но каждый новый вдох давался мне труднее и труднее. Услышав последний раз адский зов, я содрогнулся и открыл глаза. Потный лоб поднялся со сложенных на открытой тетради рук. Онемелые пальцы быстро свернули самокрутку, я прошел на балкон, постепенно пришел в себя и вспомнил, что...

Сегодня был один унылый урок. Обсуждали драматургию Островского. Кроме системной расхолаженности, услышал от пары девочек оправдание деспотизма Кабанихи. Совершенно не затыкаются о моей якобы предвзятости и якобы сексизме. Здесь и думать не о чем. В их замечаниях – одно воинствующее невежество и долбоебизм. Сейчас начинаю уже третий раз проверку тетрадей. Толстая стопка почти не проверяется. Есть одно-два не больно убогих сочинения – я пробежал их глазами, но звук спортивного канала и не подумал выключать. Покурил на балконе сигарету Звара. Копченая горечь. Стали смыкаться веки. Было бы не лишним принять душ и лёчь в постель. Но вставать пораньше и гладить ничего не буду – пойду в своей нестиранной серой рубашке. Похуй. Лучше ещё покурю. (.)

С красной точки кверху поднимались пышные клубы мги. Махровый халат покрылся мелкими каплями майской изморози. Редко раздавались всплески от проезжавших колёс. Я безразлично стряхивал пепел и следил за редкими прохожими.

– Превратился в хворь. В трансе нарезаешь круги. Но вот ещё год прошёл. Как тебе миссионерство?! Раньше ты ведь себя находил нечем меньше миссионера. Или я ошибаюсь?

– О чем ты говоришь?

– Что ж. Не хочешь быть честным с собой, аргументы будут многословней. К примеру, какую ты сигарету куришь за вечер, лишь бы избежать своего злого ступора? Хотя не буду винить тебя. Давай лучше поговорим о хлебе насущном.

– Давай, давай, животное.

– Животное – не животное, а правда за мной. Ты одичал, отшельничаешь, зарос весь. Ишачишь-пахаеть-батрачишь, а ноги в вазелине. Смысл в чем?! В средствах или цели? Насколько жирнее ещё должна быть стопка тетрадей, чтобы ты стал счастливым? Денег нет, жрёшь подножный корм, ходишь одной дорогой. Не жизнь, а альманах неудачника! Ты же давно хотел открыть частную школу, а перед тем накопить кассу и сколотить имя. Пойди на собеседование в 1-ую гимназию, найди жену, возьми на себя греющих обязательств. А

ты пускаешь круги, принижая свою компетенцию ложными идеалами – любитель пиздостраданий.

– Да, это уже давно моя визитная карточка.

– Может хватит плавать в стоячей воде?

– Может. Раз ты даже сменил винительный падеж на опекунство.

На телефон пришел входящий вызов от мамы.

– Привет, ма.

– Привет. Сына, я немного тут сплеховала. У меня по весне обострение прободной язвы. Быстро распознала криз, не волнуйся. Вызвала скорую...

– Когда?

– Вчера. Мне зашили желудок, скоро выпустят...

– Почему раньше не сообщила? – почему раньше сам не позвонил, а, дурак?

– Не за чем тебя отвлекать. Не переживай, сынок. Прогноз благоприятный. Тут забито отделение – меня скоро домой отпустят. Но можно тебя попросить лекарства купить?!

– Ма. Глупости не говори. Когда надо привести?!

– Завтра. Я переведу тебе деньги. Список кинула в сообщении.

– Какие деньги?! Давай без всяких этих, – поморщился я. – Как самочувствие, мамуль?!

– Рубцом больше, рубцом меньше. Все отлично, – слабым голосом с интонацией напускной задротности продолжала моя старушка.

– До перитонита не дошло?

– Нет.

Правда, какая разница?! Все равно отвратительно. Вчера

матери грозила опасность, а сегодня она хочет вернуть деньги за лекарства. Мужик, вскормленный ею, чем ей отплатил за себя? Фу, блять. Что за патология, когда бедная мать в возрасте ездит по ночам с дыркой в животе в скорой, а здоровенный лоб тем временем умствует на балконе с сигареткой в зубах и членом в руке. Воспитали пидораса. А ведь у пидораса не хватает денег даже на лекарства любимой маме, понял я, взглянув на свой банковский счёт. Нет. Всё. Хватит.

II

1

Выпускнику 1ой гимназии Грише Сергей Борисович сразу не понравился. Взбалмошный, требовательный мужичонка, по мнению Гриши, третировал его, не имея на то оснований и полномочий. Ещё можно было бы простить учителя, если он представлял собой что-то более уважаемое, приличное и статное. Но ситуация выглядела для Гриши иначе. Ему казалось, что учитель начал щеголевать с первых дней и отрывался на нем. Гуманитарный, не гуманитарный класс: посягательство на время выпускника – прямо-таки рудиментарное блядство. Учитель для ученика, а не ученик для учителя. Неужели педагог не может быть как-то повеликодушней. «Я ему: «Сделаю я потом работу», – а он даёт дедлайн опять». Но и позже работа не делалась, а Сергей Борисович ставил колы. Поэтому сегодня, на день учителя, подросток смотрел с задней парты на преподавателя с особой злобой, наблюдая его праздничную улыбку. (.-.)

Я, Сергей Борисович, в отличие от автора не примечал ничего подобного. А если и заметил бы, то не стал платить вниманием. Я пытался не забыть о личном примере. К тому же тратить силы на желчь никогда не имел желания: к двоичникам относился без особой ненависти, через низкие баллы и безразличие. По крайней мере, так было до сих пор. Тем более, сегодня, в мой праздник, в лучшей гимназии города как ее преподавателю мне было не до прищуренных глазок мелкого гнойника с задней парты. Даже пара милых мамочек среди остальных прочих подарили мне цветы, и я был немного оболыщен. Поздравили меня и ученики из моей прошлой школы, и друзья, а особенно приятно сделал своим сообщением Раф, который написал: «Всякая мразь дискредитирует учителей: эти шутейки типа «Спишь, учитель? А мы не спим, выполняя твоё дз» и прочий народный промысел – идиотство. Но помни, брат: я за тебя в борьбе с идиотами. Так должно быть, чтобы учитель спал, чтобы ты спал. Учителя – это герои. Небольшая зарплата, неблагодарность и небольшой рост. И ещё на вас дёргаются, мол чересчур претенциозные. А кто пойдет твоих детей воспитывать, долбоб-капиталист?! Ты же будешь в поисках жирного куса носиться с горящей жопой, пока учитель создаёт и растит. С профессиональным праздником, друг!» Написав ему слова

благодарности, я подождал, пока выйдут дети, закрыл за собой класс и по-новому свежий и жизнерадостный направился в учительскую к своим новым знакомым.

3

Преподаватели здесь были другие. Компетентнее, счастливей и заинтересованней. Бывших коллег я бы упрекнул в частой неквалифицированности. Но в 1ой гимназии подобных прецедентов при мне не было.

Все учителя, распределившись по большой учительской, слушали поздравления директора, напутствовавшей их добрыми словами. Кто-то пил чай за большим столом, кто-то кучками стоял вдоль стен кабинета и оживлённо общался, кто-то сидел и слушал. Я расположился на мягком кожаном диване рядом с учителями русского языка и литературы. Мы с ними стали поддерживать теплые отношения с первых дней – они делились опытом, давали хорошие советы и! даже любили поговорить со мной о литературе. Люди любили своё дело не меньше меня, и мне было приятно находиться в их дружной компании.

4

Я открыл планшет, чтобы вписать в лист заметок свежую мысль насчёт ведения урока, которую мимоходом почерпнул из их разговора. Вадим, с которым мы больше всех общались, увидел сетку тематической доски на моем экране и спросил:

– Рабочий материал?!

– Да. Хотел создать единое рабочее поле, где видна тематическая переключка по тегам и годам, чтобы легче ориентироваться.

– Толково. А здесь у тебя что?

Я немного смутился:

– Да, когда есть время, пишу книгу. Иногда рождаются сюжеты.

– Да ладно! Дашь почитать, если, конечно, не личное?!

– Пока не готово. Потом дам.

– Интересно. Но я про эти столбцы спросил.

– Здесь рецензии на программу.

– Сам пишешь?

– Ну да.

– Фанатик. Я ограничиваюсь анализом типа Вайля, Гениса и подобных. Кстати, после можно зайти ко мне. Есть пару классных старых сборников для тебя по этой теме.

– С удовольствием, спасибо. Поучусь у умных людей.

- Да не кокетствуй. Разреши, – взял он с моих колен планшет и, пролистав до следующей темы урока, спросил:
- Можно прочитаю?!
- Там много любви к Достоевскому.
- Мэтр того достоин! – ответил он и начал читать. (-)

Федор Достоевский – русский писатель, публицист, классик мировой литературы и один из наиболее читаемых авторов в мире. Мы же узнаём о нём благодаря школьному знакомству с романом «Преступление и наказание», и редкий затем прочитывает хотя бы несколько опусов его обширной библиографии. Отсюда возникает вопрос: в чем столь необыкновенная слава Достоевского, и обусловлена ли она? Не берусь ответить за читателей с мнением, но имею собственное и, более того, желаю его задекларировать. Достоевский – гений! И не меньше! В качестве первого аргумента я приведу его безусловно неоспоримый масштаб. Никто не поспорит с ним, но поспорит с тем, что масштаб свидетельствует о величии. На подобное возражение я скажу, может быть, пошлую для кого-то мысль о патриотизме, ради которого масштаб личности в моих глазах очень значителен. Родина как понятие и категория теряет в разные периоды времени очертания и смысл. Многие отказываются от родины, но те, кто задают вопрос, что для меня родина и что я могу сделать для нее в тяжёлую минуту, могут найти ответ в прославленных соотечественниках. Достоевский. По существу, он просто человек, который записывал свои мысли. Казалось бы, зачем он был нужен Родине ? Но спустя столетия Россия живёт такими именами, именами выдающихся умов, что от-

беливают лицо своей земли трудом, который дарит великое культурное наследие. И теперь уже Родина неразрывна с прославившими именами своих людей, что не дали ей пропасть. Значит, я, который задаю подобные вопросы, имею свое значение, я буду трудиться для своей земли, и темные времена оправдаются моим, твоим, нашим трудом. Конечно, здесь я бы хотел избежать морального суда. Поэтому перейду к следующему признаку гения Достоевского.

Психологизм. Средство, за счет которого препарированные сердца героев дают свой отзвук. Причем отзвук этот – на русском языке с русским характером и акцентом. Достоевский – певец чувствительной нематериальной русской души с огнем любви, греха и внутренней правдой. Считывая культурный код, он даёт интенсивные импульсы, которые могут быть в полной мере уловимы только рецепторами русского человека. Страдания, сомнения и твердые решения, которые рождаются в глубине бездонной души вопреки обзывательствам их деструктивной «достоевщиной», на самом деле, демонстрируют лишь полноценность человека, которого дополняют радостные чувства и очищающая боль. Герои автора показывают свой ум именно через сердце. Не может быть рафинированного сознания без здорового человеческого чувства. Об этом говорит сам Достоевский: «С одной логикой нельзя через натуру перескочить!» И реализует данную мысль автор как раз посредством новаторского психологизма.

Внутренний мир героев становится полем битвы грехопадения и добродетели. Часто их распаляют штурмующие страсти. Но в конечном итоге, несмотря на душевные буйства героев, в сердцах их побеждает Бог. Это я считаю, пожалуй, самым главным признаком гениальности Достоевского.

Бог занимает особое место в творчестве писателя. И для

современного человека, который прочитал десятки, сотни художественных книг, но отложил на неопределенный срок чтение Библии, Достоевский становится своеобразным проводником в мир Бога. Алеша Карамазов или Князь Мышкин своим примером показывают поведение настоящего христианина, скромного и прощающего. Раскольников читает о воскресении Лазаря. В доме Парфена Рогожина все останавливается у картины Мертвого Христа в гробу. Художественные детали знакомят с христианской религиозной культурой, а персонажи формулируют в нашем сознании красоту христианской любви и смирения. Достоевский – детская Библия для взрослых.

В заключении замечу, что могу не вызвать у вас солидарность во взгляде и трактовке, но по причине всех вышеупомянутых оснований для себя делаю однозначный вывод: Достоевский – великий русский классик!

– Сергей Борисович, извините за прямоту. Но это прямо графоманская серенада, – одна девочка.

– Так и есть.

– Можно прояснить ситуацию? Вы говорите, что масштаб неоспорим, что никто с ним не поспорит. Только в чем масштаб-то? Вы ни на что не ссылаетесь. Кажется, что масштаб здесь не больше, чем литературная гипербола, – другая девочка.

– Даже по данным ЮНЕСКО он один из самых читаемых, поинтересуйся, – ответил за меня мальчик.

– Верно.

– Не знаю, по-моему, Толстой лучше, – первая девочка. – На западе «Анна Каренина» тоже очень популярна.

– А «Идиот» не популярен? – мальчик.

– Как насчёт того, чтобы признавать Толстого и Достоевского одновременно? Не надоело это избитое клише, что нужно выбрать одного? Вроде бы это Бердяев разделил их, да, Сергей Борисович?.. и сейчас эта непонятная мысль уже волочится больше двух веков.

– Понятная, почему? Абсолютно разный язык и содержание. Я, к примеру, не вижу в Достоевском ничего жизнеутверждающего. У него одна чернота, от которой тошно становится.

– Не правда. Когда «Крейцеровскую сонату» прочитал, мне стало хуже, чем после любого романа Достоевского. Там настоящая черная боль, которая не просто убийственна, как, к примеру, в Преступлении и наказании, но ещё и вызывает тяжелейшую рефлексию. Потому что убить на порыве страстей намного понятней, чем из-за амбиций. И сидишь потом с грузом на сердце...

Раньше я разве что мог мечтать о том, как дети будут подобным образом рассуждать на моих уроках. Я молча наблюдал за ними. Но мою блажь рассеял Гриша.

– А с чего бы слушать вашу рецензию так серьёзно?

– Слушай несерьёзно, – ответил я ему. Он немного споткнулся и покраснел.

– Но вы преподавали нам свое мнение. И чё? Зачем оно нам? Вы Минобразования?!

– Гриша, ты задание слышал? Я вам дал этот отрывок прочитать, чтобы вы проговорили все «за» и «против». Тем более, из самого текста понятно, что это всего лишь моё мнение. Раскрасневшийся от гнева малец, грубо проговорил:

– Я в принципе не согласен с тем, что меня учите Вы. Учитель умеет только учить. Это так тупо... Чем вы подкрепите свою преподавательскую деятельность, кроме самой преподавательской деятельности? В см., в смысле я могу научиться поэзии у Бродского, психологической прозе у вашего Достоевского. А у вас-то чему учиться? (/)

8

– Серёга, – похлопал меня по плечу Гришин отец, Егор Михайлович, после родительского собрания, хотя видел я его первый раз в жизни:

– А что у него двойки постоянно? Гришка жалуется, что ты безосновательно его журишь.

– Просто Гриша ничего не приносит на уроки, не работает. Будет работать, всё будет хорошо.

– Гриша, что не работаешь?! – с ухмылкой спросил сына Егор Михайлович, панибратски обнимая меня за плечо.

– Бать, он мне не ответил, почему я должен учиться у него, у учителя. Как ответит, я начну работать, – указал он на меня пальцем.

– В смысле? – поднял брови отец, хотя, положив руку на сердце, был доволен сынишкиной хваткой, о чем говорил его несерьёзный, мягкий тон:

– Тебе Сергей Борисович что говорит делать, то делай. Понял меня?

– Ну не совсем.

– Иди в машину давай, – махнул рукой отец, чем и закрыл весь вопрос. Повернулся ко мне, достал из кошелька из дорожной и безвкусной крокодиловой кожи пару купюр и проговорил:

– Малой растёт, не пойми неправильно, Серый. Повзрос-

леет, вразумит, что зря бычит. Возьми вот в качестве моральной компенсации.

– Спасибо. Не стоит. У меня с Гришей никаких проблем, – вежливо пожал руку и попрощался с ЕМ.

Он остался немного недовольный моим отказом и пошёл в противоположном направлении.

Каноничный новый русский – подумал я и улыбнулся. Похвалил сына в порядке двойных стандартов и ещё попытался покормить блинами с лопаты. Великолепный стыд: насколько он выглядел дешевым и ущербным. Мне не жаль, если его член стал ненадолго подлиннее.

Отбросив эти мысли, я зашёл с мамой в кабинет. Мою старушку нескончаемо беспокоила язва желудка. Хроническое течение болезни высасывало из нее силы, а, тем более, стало прогрессировать, что увеличивало шансы повторения криза прободения. Я хотел быть в курсе и сопровождать маму, недомогавшей от этих болячек.

«Не кушаете вовремя, золотце?!.. Вижу. Вижу... У вас, мамочка, Хеликобактер повышен. От этого у Вас и изжога, и отрыжка. Давайте попьём эти лекарства и после повторно встретимся... Не надо ничего бояться, дорогая. Просто нормируйте приём пищи, и снизим препаратами кислотность... Ну видите, знаете. Значит хорошо... Не волнуйтесь, сейчас у вас прогноз прободения отрицательный – животик немного зажил, так что от вас требуется не забывать есть, не голодать... Весной?.. Да, весной у пациентов чаще перфорируется желудочек, и за этим стоит следить. Если знаете свою подобную особенность, ближе к весне следите тщательней за самочувствием... У нас есть отделение неотложной хирургической гастроэнтерологической помощи. Можете записать телефон, у нас очень хорошие врачи – я тоже оперирую... Как вас зовут?.. Сергей, запишите тоже мой номер тогда. Если что, обращайтесь по месседжеру с вопросами, чтобы маму не таскать тоже бездумно... Я вам ещё раз повторяю, зо-

лотце: выполняйте рекомендации и следите за самочувствием... Да, наша скорая должна быстрее подъехать, если вы волнуетесь. Но об этом не надо сейчас думать... На здоровье. Счастливо», – улыбнулся добрый врач. Мы вышли в коридор, и я неожиданно встретил Гришу – много его стало. Затем проводил маму до дома и вернулся к себе.

10

После трудового дня от усталости у меня болела в висках голова. Я выпил пилюлю, включил спортивный канал без звука и закрутил трубочку. В открытое окно балкона вышла струя дыма. На улице был относительно тёплый для ноября день, и, несмотря на внутричерепное давление, настроение было положительным. Я стоял на своём любимом балконе, но был довольнее, чем год назад. Самобичевание осталось в прошлом, и в вечерней тишине мой ум умиротворялся. С каждой тяжкой тело всё более расслаблялось, и напряжённость уходила. Я отошёл от окна в полумрак и присел, облокотившись на стену. Мой взгляд остановился на тлеющей точке. В приятном оцепенении я застыл с широко открытыми глазами, пока они не стали сухими. Я моргнул. (-...)

Дунуло душистой весенней свежестью. На моей физиономии была написана радостная безмятежность. После незаметно прошедшего зимнего холода чувствовался апрельский расцвет жизни. Внешний подъём передавался мне. Я наслаждался моментом, не ждал от завтра подарков. Оттого мне только больше хотелось приступить к своему ремеслу после выходных. Я насыщенно отдохнул. Вчера ходил на бокс с Ромой – ментальность бойцов меня заряжает. Позавчера снимали дом своим близким кругом – выпивали и смеялись. Хорошие дни. Я оттолкнулся от стены, встал на ноги, с видом на город сделал последнюю тяжку и вышел с балкона.

12

Перед классом стояла девочка Эля. Она с выражением, но без пошлых ахов декламировала Бродского:

«Когда теряет равновесие
твое сознание усталое,
когда ступеньки этой лестницы
уходят из-под ног,
как палуба,
когда плюёт на человечество
твое ночное одиночество, —
ты можешь
размышлять о вечности
и сомневаться в непорочности
идей, гипотез, восприятия
произведения искусства,
и – кстати – самого зачатия
Мадонной сына Иисуса.

Но лучше поклоняться данности
с глубокими её могилами,
которые потом,
за давностью,
покажутся такими милыми...»

Мне нравилось, как она читала. Её глаза смотрели на меня с симпатией. Я наблюдал за её сдерживаемой эмоциональ-

ностью. Даже показалось, что я ненадолго влюбился потому, как надолго не мог. Оставим нимфеточную клубничку Набокову. Но больше мне нравилось, как она читала не о любви, не о природе или, к примеру, свободе – сколько ещё этих штампов?! – а об одиночестве и в тех словах Бродского, которые часто приходят и мне на ум, когда я на балконе один. Я видел, что она чувствовала и понимала, что читает, значит разделяла и мои чувства. Я не мог и не хотел её любить, но слышал от красивой девушки свою злободневную правду, отчего чувства смешивались во мне в продукт бессмысленного, непрактичного и деструктивного счастья. Какое бы мне дело, что считает и читает девочка младше меня на 10 лет? Но я радовался после её прочтения и в теплых чувствах слушал следующих, кто хотел прочитать стих из названного списка поэтов.

Гриша, как всегда, всё испортил. Он постоянно поддегивал, провоцировал, пытался кольнуть меня. И стало так, что его отсутствие я уже замечал. Он сделался для меня занозой в заднице. Сегодня не было исключением.

– Сергей Борисович, я тут стих хочу прочитать. Мне кажется, что в нем глубокое содержание сокрыто, – ехидно поглядывая на своих дружков, подтравливал Гриша.

– Давай, выходи к доске.

Он медленно, демонстративно и величаво прошагал к доске, и, выдохнул:

«Лишь только рифмачи в беседе где сойдутся,
То молвив слова два, взлетают на Парнас,
О преимуществе кричать они соймутся
вот один вознёс к другому глас:... – дрожащим голосом читал он с телефона, чем дальше, тем медленнее, ироничнее и отчётливей. – Так споря,

– Но если ты пиит, скажи мне рифму к Ниобу.

Другой ответствовал: – Я мать твою ебу». Последнее было сказано с особенной гордостью. Видно было, что он был счастлив своей смелостью и дерзостью. Подняв палец, Гриша сказал: «Не мои слова, а Есенина. Я это к тому, что наш сегодняшний урок напоминает клоунаду. Понимаете, Сергей Борисович?»

– Конечно, понимаю, – спокойно посмотрел я на малолетнего долбоеба. – Я рад, что ты ценишь высокое искусство. Благодаря таким людям, как ты, ещё не забыта разница между Мане и Моне, не обрушился Колосс Родосский и по кругу играет Паваротти. Твоя, не знаю какое слово было бы к тебе более верно употребить, интенция, что ли, рассказать нам этот стих демонстрирует твой эстетический протест. И ты можешь предложить что-то лучшее этому миру.

– Вы правы, – подмигнул друзьям Гриша и ударил указательным пальцем по виску, что я, наверное, не должен был видеть. Мальчонка прямо сиял, думая, что я ведусь на столь очевидную тупость и унижаюсь перед ним.

– Думаю, что ты бы нам многое ещё рассказал. Но пора дать время другим, согласись. Поэтому ставлю тебе двойку и идём дальше.

– Э-э-э. А что вдруг?! В чём проблема?! Свое мнение высказал. Не имею права что ли?

Я устало ответил:

– Во-первых, такого стиха у Есенина нет. Во-вторых, ты ничего не выучил, а просто прочитал. Ну и... думаю, что достаточно. Садись.

– Ой-ой-ой, полиция нравов. Много вы меня учите, – открыто взъелся он.

– Работа у меня такая, учить вас литературе.

– Никто меня учить не будет, – агрессивно посмотрел он мне в лицо, продвигаясь к своей парте. – Тем более вы учи-

тель, ля. Плохой спортсмен – хороший тренер. Слышали такое?! Так вы тот самый спортсмен-неудачник. (/)

В огороде бузина, а в Киеве дядька – Гришин папка сует мне уже не пару купюр, а жирную котлету. ЕМ опять сошёл-ся со мной в коридоре после родительского собрания и бла-тует своим деревянным позерством, оправдывая сына. Как же жалок он в моих глазах.

– Борисыч, ты что серьезный-то?! Обижает что ли кто?! Хе-хе-хе.

Я не буду отвечать на это.

– А то смотри. Поможем, хе-хе... Лаванду возьми. Что ты?! Гордый что ли, ха-ха-ха, – он продолжал.

– Ну как хошь... – с бóльшей обидой, нежели в прошлый раз, убрал он свои деньги. Наверное, его уязвил мой холод-ный презрительный взгляд.

– Гришка не хотел тебя задеть! Но не душить же мне его теперь?!

– Нет.

– Ну о том и речь, ёпты! Была бы ещё какая ебалá, а тут просто заговорился парень. Кстати, как тебе стишок про мать?! Ха-ха-ха. Без купюр. А? Я разьебался знатно.

Я проигнорировал его тупость .

– Не волнуйтесь, всё нормально. Мне пора идти. До сви-дания.

Я развернулся и пошёл, чувствуя на своём затылке его

ЗЛОБНЫЙ ВЗГЛЯД.

Автору виднее со стороны, как Егора Михайловича оскорбило моё поведение. В его приближении картина выглядела следующим образом: по мере удаления от места встречи ЕМ больше и больше раздражался, жалел, что хотя бы в след не крикнул какую-нибудь гадость. «И какую бы надо было?» – вопрос. Хлопнув дверью, он сел в скрипучее кожаное сиденье заднего ряда.

– Валера, домой давай, – и, не поворачиваясь, адресовал слова Грише:

– Сергей Борисович твой – вафел.

– Я тебе говорил.

– Общался как с нелюдем, ёпты.

– А давай, бать, его в блеклист нашей больнички добавим.

Я видел его там, с мамкой что ли. Пускай в государственную ходит.

Меценат молчал.

16

– Затупелый нувориш. Харя, извозюканная во фрикасе. И сынок – такой же хуесос.

– Да тише ты, – засмеялся Вадим.

– Я так, ради комичности комедии. Но всё-таки будет ещё долго жить новый русский. Вот представь, я бы взял у него эту котлету. Интересно, сколько в ней?! Тысяч 50-100, наверное?

– Потому что может!

– Могёт!

– Но ты ему не дерзи особо, они с директором – неплохие знакомые. Спонсирует гимназию! И в принципе, если без шуток, – неплохой мужик. Кроме пары ТРЦ, учредил неплохую сеть клиник у нас в городе.

– Но сынка его – тот ещё.

– Ты давай, детей не трогай, тем более, в учительской. Я не все, кто понимает, что ты неформальный парень с юмором. Осторожней.

– Да, – улыбнулся я. – Спасибо за заботу. (-...)

– Правильно говорит Бродский:

«... лучше поклоняться данности
с глубокими её могилами,

которые потом,

за давностью,

покажутся такими милыми...» Данность – быть хорошим наставником. Пускай бывают неприятности. Но и что?!

– Но и ничего. Сам же раздул эту мелочь.

– Нет. Ты видел этого Гришу сегодня? Написал сочинение, за которое можно... Да я не знаю, что можно. У него ведь уже получается вывести меня. Да, лучшая гимназия города, а дети умнее меня. Ложка мёда с горкой. Но тем виднее этого мелкого гадёныша.

– Как тебе новый табак?!

– Нет. Я люблю свою работу, она приносит мне огромное удовольствие. Жизнь меня более чем устраивает. Но вдруг появляется мелкий прыщ и становится болевой точкой. Казалось бы, отпусти, забудь. Но именно из-за таких мелких пигмеев жизнь портится.

– Как тебе табак, говорю?!

– Да не знаю. Не приносит мне бывшего удовольствие твоё... Подожди, мама звонит.

Я положил окурок в банку, и ответил на вызов.

– Привет, ма.

– Привет, сынок. Как твои дела?!

– Всё нормально. Есть пара неприятностей с работой. Но не суть... У тебя как?!

– Ну ладно. У меня приём почему-то отменили и через регистратуру не получается дозвониться. Так что не буду отвлекать тебя от дел послезавтра. Только напиши мне номер врача, чтобы я с ним лично договорилась.

– Не берут трубку?!

– Да. Дозвонилась по номеру, спросила доктора, почти записалась, но опять отменяют. С моего телефона до них звонки не доходит.

– Странно. Тогда я завтра запишу тебя, чтобы мы вместе сходили.

– Если я тебя затрудняю, лучше дай мне номер и я договорюсь.

– Живот болит?

– Я на постном меню сейчас. Так что меньше, – раз так сухо говорит, всё плохо.

– Завтра запишу тебя.

– Хорошо, сынок. Не забудь, пожалуйста.

Надо бы, правда, не забыть. Поздний звонок – весомая причина поторопиться. Так подумал я и через минуту забыл

думать о заботе. Мама мне сказала: «Ты у меня настоящий молодец. Улыбнись!», и я принял эти слова почти безответно, несмотря на то, что поддержка была важнее ей.

Зато на следующий день был активен в общении с Дариной, учительницей истории, которая зашла ко мне в кабинет. Мы обсуждали интерактивную выставку современного искусства. Мне нравилась её простота и женственность. Она смотрела мне прямо в глаза и смеялась.

– Не знаю. Что за неаккуратность. Можно было бы сместить все линии сюда. Полоска рыхлая. В общем, я не разделяю мнения о гениальности автора. Руки бы стоило помыть и бумажку подложить.

– Суть в сюре. Если линии были бы смещены, была стандартная компоновка, когда здесь, наоборот, твой шаблон ломается. Не сможешь предвидеть этого варианта развития композиции, пока не увидишь финал, – я был согласен, но решил высказаться ей в противовес. Спорить не стала, мы пошли дальше. ...

– Ты, кстати, очень красивая сегодня. В прочем, как и всегда.

Она наклонила подбородок от стеснения к груди, улыбалась, и покачалась.

– Можно будет прогуляться в конце недели, если ты свободна.

Она нежным тоном ответила «Давай».

Очень милая. Раньше я на неё так близко не смотрел.

Единственное – попрощались скомкано, потому что в дверь стали долбиться. (-.- -)

Как вы думаете, кто?! Гриша. Он с ржанием ввалился в кабинет и невольно толкнул Дарину.

– Осторожней. Открой глаза, – сказал я ему.

Без извинений, с презрением он громко ответил: «Бом-жур!» – и, хлопая размашисто в ладоши, пошёл к своему месту. «С-с-с-с» сквозь зубы и бешеные глаза. Но я сдержался, спросил у Даши, всё ли хорошо, впустил детей в класс и закрыл дверь.

Стоило приставить его к стенке, принудить к извинению, наплевав на его статус ребенка. Этот собачий сын ещё более оборзел. Он покрикивал что-то друзьям, светил обновками и потрясывал гребнем.

Я сделал ему замечание, он что-то ответил, и все засмеялись. А? Не расслышал и пару секунд стоял в растерянности, захлебнувшись собственной яростью. Все заметили моё замешательство, и я как-то неуклюже перешёл на тему урока, хотя Гриша продолжал говорить наравне со мной. Мне казалось, что в глазах детей я его не замечаю потому, что боюсь. Но сейчас не было ответа, как его урезонить.

– Задание по партам. Вы писали сочинение по Шинели (Гриша прыснул на весь класс). Сейчас выведу на проектор отрывок из рассказа, а вы в парах попытайтесь сформулировать ответ на вопрос: «Какие характерные особенности

гоголевской прозы присутствуют в приведённом фрагменте «Шинели»?»

Парта 1.

Подруга Эли.

«Юмор, ирония, гротеск, говорящие имена. Много чего. Он сыплет лирическими отступлениями, в которых и дизморалит...», – она прервалась и посмотрела на Элю.

Эля.

Она вообще не слушала, но хихикала над перлами Гриши, который был все шумнее.

Прекрасная девочка, умница и красавица, мало ли кто забыл. Но сейчас она меня расстраивала.

Парта 2.

– Гоголь, как всегда, в принципе, непринужденно разговаривает с читателем. Каламбурит.

– Каламбурия. Ну и плюс детали, их очень много. Работают на общий замы...

Парта 3.

За ней сидел Гриша, визги которого уже было не перекричать. Молчание в ответ на его провокационное поведение стало карт-бланшем на полную вседозволенность. Поэтому я нетерпеливо подошёл к нему:

– Как думаешь, ты не громко разговариваешь, Гриша?!

– Да нет. Вполне, – и игнорируя моё присутствие, продолжил он, как гиена, ржать.

– Урок идёт. Слишком громко, – строго сказал я ему:

– И чё? Шинелька! – и опять загоготал, вместе со всеми остальными.

– Либо замолкаешь, либо выходишь из класса, – Шинелька?!

– Ага. Так и понял. Ты, конечно, Сергей, такой дефолтный. Запрещаешь, ноешь. А мы, между прочим, насчёт темы урока общаемся.

– Не понял, когда я стал для тебя Сергеем. Край держи. Замолчи или серьёзно выйдешь из класса.

– Так с рождения Сергей, – повернулся Гриша к подсосам, и не думая внимать моим замечаниям. В бешенстве я показал на дверь и тихо проговорил:

– Выходи.

– Да ладно тебе, – сделал он паузу, смотря за реакцией окружающих: – Вам, то есть. Мы «Шинельку» обсуждали. А я вас так давно зову, представляете совпадение?! Акакий Акакиевич...

Его провокация работала, хотя я знал, что чрезмерная агрессия подавляет. Но в сегодняшнем бесовстве я совершил крупную ошибку. Не дослушав, пока он закончит меня унижать, я несоразмерно даже его гадости закричал: «Выходи!»

Физиогномика его продемонстрировала не только отсутствие боязливости, но и, более того, ненависть до покраснения:

– Пошёл ты нахуй, – вполголоса отчётливо произнес он, –

какая же ты нормисоблядь ебаная. Постоянно...

Я рванул его за рукав, он быстро поднялся на ноги и несильно пробил мне ногой в икру. Я немного отшатнулся, но стерпел, понимая, что нельзя отвечать. Гриша опять двинулся на меня, и я резко оттолкнул его от себя: он полетел назад и упал на спину.

Меня вызвали на ковёр, хах. Вызвать на ковёр – такое несуразное выражение. Кажется, что этимология его растёт от каких-нибудь смердов. В нём я слышу раболепскую боязнь и ненависть к начальству. А начальство, вероятно, должно быть маслянисто-ожиревшим, чтобы вызывать у нижестоящего опасение запачканным ворсом. Или они спокойно ходят по ковру в ботинках?! По краю этого ковра и прокладывается линия водораздела. Я ощутил её, пока директор отчитывал меня.

– Ты, Сергей, кто? Учитель?!.. Жди повестки в суд от его отца теперь. Ты что, не знаком с законодательством нынешним?!.. Слушай:

– «Статья 34. Основные права обучающихся и меры их социальной поддержки и стимулирования.. – и так дальше. – Пункт 9. Уважение человеческого достоинства, защиту от всех форм физического и психического насилия, оскорбления личности, охрану жистимулирования». И сразу: «Пункт 10...свободу совести, информации, свободное выражение собственных взглядов и убеждений.» Ну что скажешь?! Как ты мог допустить рукоприкладство?!

– Честно говоря, не хотел. Но надо было как-то привести его в чувства.

– Ты, Сергей, в казарме рекрутов мордуешь?

– Правда, не имел умысла толкаться с ним или что-то подобное. Я только ответил на его выпады, – замечания директора стали уже раздражать меня, и я спросил:

– А что мне делать надо было?!

– Сергей Борисович, – ушёл директор от вопроса, – ты учитель в лучшей школе города, значит, должен следовать общепринятой политике отношений. Это всего лишь ребёнок. Тебе ли объяснять, что образовательная этика уже не дикость. Ребенок – такая же личность, как и взрослый. И к нему надо относиться с таким же уважением. (-)

– Ребенку до взрослого надо дорасти. А чтобы дорасти, нужно немного приземлиться на землю... Простите. Но если на то пошло, представьте ребенка в песочнице, который мешает всем играть. Нет, чтобы делать куличики и строить дома, он отбирает машинки, сыпет в глаза другим песком и радуется. Он не понимает, что не прав. А мы с вами, взрослые, понимаем. И наша задача – это инфантильное самоупоение прекратить, за него одернуть и пристыдить. Ребенок порыдает, побесится, но поймет спустя время, что был не прав. Так у него появится чувство ответственности, он повзрослеет, и можно будет говорить о равенстве и личностях.

– Что ты предлагаешь? Вернуть времена царской России, когда гимназистов стегали? Или как ты говоришь?! «Пристыжали». Меня в детстве, кстати, тоже пристыжали учебником по голове. Но в отличие от тебя я не сильно ностальгирую по старой этике. Насилием ничего не решается.

– Отвечать на оскорбление и удары – это то, что называется насилием?

– Нет, Сергей... Будешь сам оправдываться в суде, раз так ярко отстаиваешь свою дурость. Надоело слушать. Я тебе не помощник больше.

– В соответствии с этим законом уже считается правонарушением привлечение ребенка к уборке школьной терри-

тории и мытью полов. У ребенка одни права, но обязанностей нет. И отсюда у меня вопрос: в какой момент ребенок должен стать взрослым, если он элементарно не несет никакой ответственности?! Даже за свое поведение, которое ему позволительно в любой фо...

– Решением суда может быть увольнение, штраф и ещё более строгие наказания, – перебил меня директор. – Можешь говорить, что угодно. Но я не уверен, что после данного инцидента ты, Сергей, будешь у нас преподавать.

Я немного вспыхнул, но не показал этого:

– Надеюсь, что мы решим конфликт мирно. Но я пришёл к вам работать педагогом, а не гувернанткой.

Настроение было мерзким. Маму не получалось устроить в платную больницу, когда как в государственной не было мест. Но она серьёзно болела, что я видел, несмотря на её внешнюю ретушь. Я не мог выйти на личный контакт с доктором. Сообщения и звонки до него не доходили. Вероятно, сменился номер, о чём он предупреждал на приеме. Ещё он, правда, сказал, что в таком случае я могу обратиться в регистратуру, объяснив ситуацию. Но «К сожалению, мы не даём контактов сотрудников» было в ответ.

Потом инцидент с этой мразью. А теперь оказывается, что меня могут за недостаточную покорность уволить и, хуже того, засудить. Всё валится из рук.

Но это ещё не всё. И когда я проходил мимо угла гимназии спустя пару минут, опустив голову, там стоял квадрат ЕМ. Дверь отворилась, и нувориш вывалился со своим холуем. Не успел я что-то понять, как последний сунул мне в скулу, отчего я упал. «Я захуярю тебя, – стал орать ЕМ мне в лицо. – Я заебошу тебя... Ещё только раз мне про тебя скажут...»

– Ума не приложу. Как просто меня уволили!

Пуская клубы дыма, в неврозе прошел влево по балкону.

– А-а-а-а!!!

– Не верится. Как так вдруг я оказался на обочине жизни?! Как???

Прошёл вправо.

– А-а-а-а!!! Из-за одного маленького ничтожества!!!

– Тупик. Гематома под глазом. Стряхнули, как перхоть.

Влево. Я закашлялся.

– Блядство какое, а?! Это даже не пощёчина, они меня прилюдно выпороли до кровоподтёков.. Перед Дариной.. Только с ней начали общаться... Вспоминать не хочу.

Ненависть наслоилась на униженность. И чем больше я чувствовал своё оскорбительное положение, тем сильнее была моя ярость. Я всё более жадно и нервно курил, мельтеша туда-сюда.

– Я опять предоставлен себе. Опять в самом начале.

Вправо.

– Горе не беда. Я не сдамся. Никто меня не лишит человеческого достоинства.

Влево.

– Ничего ты не сможешь.

Вправо.

– Никто меня не раздавит. Слышишь?! Я сделал шаг назад. Но не я откопал топор войны. Мы ещё повоюем!!! (-..-)

«Нет, нет, нет, засланный ты наш казачок, Сергей Борисович!!! Мы больше плацдармом для твоих новых прыжков не будем. У нас свои педагоги есть. Да я думаю, что тебя и в другую школу не примут с такой характеристикой – не только в нашу. Только послушай:

«У молодого специалиста не было достаточного педагогического опыта, однако есть основания полагать, что у него нет и базовых данных для преподавательской деятельности. Среди учащихся уважением не пользовался. В отношениях с родителями и обучающимися конфликтен...» И так далее... Но и что?! «Чушь!» Это не мои проблемы. Я к тебе, Сергей Борисович, лучше относилась. Взял и исчез вдруг, а щас пришёл, блудный сын! Знаешь, как говорят: «Гром не грянет, мужик не перекрестится!»... Будь здоровенький, Сергей Борисович!»

Этим и завершились мои длительные поиски работы, на которую, как и сказала моя прошлая директриса, меня никто не хотел брать. Может быть, моё преподавательство и во все прекратилось. И эта мысль вызывала свирепство, отсылавшее меня к образам Гриши и его отца. Я был вымотан и озлоблен. Дойдя до дома, в опустошении я упал на диван и закрыл глаза.

Декорации вокруг меня рухнули, и в красном мареве я распознал свою грозную размахивающую тень. Далёкий сатанинский зов из прошлого, доходя волнами, закричал:

«Тысячи химер жалили меня. Как саранча, их не сосчитать. Они лезли под мою кожу. И мои силы истощались на терпение. Я становился с каждой минутой слабее, но в жилах загорелась ненависть. Крупицы соли заскрипели на моих зубах. Мускулы напряглись, как тетива, а на щеке засохла пена бешенства. В руках моих меч. Одному мне ведомо, какая сила зиждется в нем. И я не дам стихии пожрать себя. Теперь я их судилище. Поздно отступать. Пусть познают же моё возмездие. Не одна нота на лире милосердия больше не дрогнет, – крик становился всё громогласней. -

Время плясок смерти! Фиговые листья сорваны. Огонь беспощадного праведника сожжёт ваши телеса.

Вы, которые издевались надо мной! Отныне я кость в вашем горле, игла в темени, ртуть в жирном супе. Я собираюсь на войну, и вы падете, пополнив поля смерти. Ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!»

«Ха-ха-пик-ха, ха-пик-пик-ха, пик-пик-пик-пик». Весь в испарине я сдернул повязку с глаз. Мне звонила мама. 8 утра, рановато.

– Сынок, – дрожащим слабым голосом сказала она. – У меня приступ. Звони в клиническую неотложку, – Я дрогнул и спросонья переспросил:

– Мама, что такое? Куда звонить?

– В платную клини... Неотложку.

Я в вскочил в кровати, пребывая в ступоре и страхе.

– Всё плохо, сынок. Ты мой любимый сынок.

– Мамуля. Стой. Не сбрасывай. Я сейчас позвоню в скорую и отвечу. Не клади трубку. Не клади трубку!!!

Пульсируя и спотыкаясь, я еле вспомнил мамин адрес и вызвал платную скорую.

В неконтролируемом ужасе, словно демонский смех до сих дребезжал вокруг, я оделся и выскочил из дома.

На улицах были пробки. Мои ноги бежали, как никогда не бегали. Задыхаясь от привкуса железа во рту, я набирал мамины цифры, потому что сам её нечаянно сбросил, общаясь с диспетчером. Мама не отвечала. «Блять!! Нет, нет. Отвечай». Я бежал ещё быстрее и залетел в трамвай с закрывающимися дверьми. (/)

«Почему я не живу так, как могу бегать?! Я бы достиг таких вершин!! Тьфу, блять. При чём тут это?! Мамуля. Живи. Надо жить, мама. Да. Ха-ха-ха. А я ведь забыл про свою безработицу. Какая же я сука! Мама. Что с тобой?! Прободение? Но это не так опасно, чтобы ты сегодня умерла. Голос какой слабый!! Нет. Остановись, выдохни. Почему именно сейчас стоит перед глазами эта тварь из школы?! Я доберусь до тебя, до твоего отца, рождённого в муках сифилитической шлюхой. Я доберусь до вас. Да какая разница?! Как же похуй, урод. Сейчас умрёт мама, и что будет?! Ничего не будет, дурак! Дорогая мамочка. Не болей, пожалуйста. Я очень люблю тебя! Но мама об этом не знает, потому что сын только и делает, что курит на балконе. Замолчи. Какое выражение красивое «инфантизм»». Пошёл ты нахуй. Надо было её устроить в стационар, но я же не знал. Почему её не принимали?? Хорошо хотя бы, что сейчас ответили. Ничего хорошего. Всё очень хуёво! – я догрыз последние остатки ногтей от нервной чуши, спрыгнул со ступеней, и с заплетающимися от скорости ногами побежал к маминому дому: – Вот он уже! За магазином! А вдруг она умерла??!!.. Нет, она не умерла. Чёрт, я не знаю, как сильно продавливать грудную клетку при реанимации. 5 см. И что? Я не представляю, как сильно нажимать. Как мама говорила, решай проблему

по мере поступления! Чёрт! Сука! Блять! Я не взял ключи! Фу, успел придержать дверь. Если входная закрыта, пиздец. Почему я такой debil?! Как можно было забыть ключи. Пожалуйста, пусть будет открыто! Пожалуйста, пусть будет открыто!.. Фух. Открыто.»

Я забежал в комнату.

«Мама, я тут. Всё хорошо. Скорая уже подъезжает», – поцеловал я её в лоб. Мама не отвечала, периодически вдыхая. Я взял полуфабрикаты из морозильника и приложил к её животу. Ёе скрюченное на боку тело лежало без сознания. Кровавая рвота была повсюду вокруг её серо-синего рта. Но сильный пульс обнадеживал меня. Значит ещё поживет.

«Слышишь, ма, сейчас приедут доктора. Уже совсем скоро. Потерпи немного», – поглаживал я её руку с влажными глазами.

«Что-то ты расслабилась, дорогая моя,-холодный пот с её лба покрыл мою руку, и она что-то проговорила в бреду. – Отдохни. Отдохни немного...»

– Простите. Выйдете, пожалуйста, из палаты.

– Да, секунду.

Я поднялся с места, поцеловал маму, прошептал ей пару слов на ухо, погладил по голове и пошёл в полузабытьи домой немного поспать. Помочь ей я уже не мог.

Она находилась в коме в палате интенсивной терапии, и её готовили к операции. Состояние оценивали как тяжёлое. Особо тяжёлое. Она потеряла много крови – прободная язва вызвала обширное желудочно-кишечное кровотечение. Перитонит усугублял ситуацию. Врач не отрицал летального исхода. И я всё понимал. Шёл, курил и ничего вокруг не слышал и не видел. (–..)

III

1

После произошедшего я закрылся. Редко выходил на улицу за табаком, водкой и провиантом, чтобы вернуться в свою зашторенную комнату, сесть на старое кресло и молчать. Ощущались только собственная вина, злоба и пьяная тугодупь. Не беспокоясь больше, что квартира провоняет, я курил прямо в кровати. Стряхивал пепел и невольно переводил глаза на вазу с прахом мамы. Мне становилось не по себе, и я выливал сначала одну, потом другую, и потом ещё рюмки в «байкал».

Дети должны хоронить родителей, но как дошло до такого?

2

Спустя неделю я ощутил уже соматическую боль в сердце. Иногда внезапно меня схватывало. Я скрючивался и прижимал руки к груди.

У этих сигналов появилась частотность, и игнорировать их дальше было бы чревато. Уже не казалось, что моё горе – меньшая фантомность, нежели сердечный спазм. Я посудил, что стоит прогуляться хотя бы до больницы, даже несмотря на мою затворническую куриную слепоту. Давно моя одежда смердела потом и куревом, а лицо покрылось щетиной. Но я одел тёмные очки, капюшон, съел какую-то тефтелю и вышел на улицу.

Знакомые места невольно напоминали о смерти мамы. Я не хотел смотреть по сторонам и медленно плыл, уткнувшись под ноги.

Внезапно позвонила Дарина, добавила небольшую радость, но большую жалость к себе. Тем не менее, я улыбнулся её приятному голосу, и тому, что я ей зачем-то нужен.

– ...сожалею, что всё так произошло. Прими мои соболезнования.

– Спасибо, что помнишь.

– Ты так ушел, не попрощавшись. Я подумала, что моя поддержка будет не лишней. Хочу сказать, что с тобой поступили грязно... Не пропадай.

Стало теплее. Я ей нужен.

– Я постараюсь... Я ценю твоё внимание. Спасибо тебе... Прости, мне надо идти.

– А...

– Да. Я напишу тебе. (.-)

4

В регистратуре клиники девушка спросила меня:

– Вы раньше приходили к нам?

– Да... Я хотел записаться по телефону, но всегда занято.

– Прошу прощения, но сейчас нет записи к нашим кардиологам.

– Хорошо. Когда освободятся?!

– Пока такой информации нет.

– Девушка, сообщите мне сейчас, пожалуйста. Я к вам специально шёл, чтобы решить все вопросы.

– Сейчас ничего не могу сказать, к сожалению.

Я начал злиться:

– К сожалению, уж точно. Я к вам не могу записаться уже полгода. Мать свою не смог к устроить...

– Мужчина, наши доктора не только вас кон...

– Слушайте меня, девушка, и молчите. Моя мать сейчас мертва. Слышно вам меня за этим стеклом?! Я не мог её записать полгода к вам. Ей нужна была консультация.

– Но...

– Я не договорил. Сейчас меня беспокоит боль в сердце. И у вашего терапевта – кардиолога я уже давно наблюдаюсь. Так в чем же проблема?! Доктор уволился?

– Нет.

– Давайте отталкиваться от его свободного времени.

– В данный момент не получится провести прием у доктора.

– А у других?!

– Тоже. Все заняты.

– Насколько?! Когда будет свободное время? Через месяц? Давайте через месяц.

– Не могу сказать.

– Записывайте меня.

Сзади стали квохтать посетители, но мне было без разницы. Администратор позвала охранника жестом, он подошёл ко мне и сказал:

– Выйдете, пожалуйста, из клиники.

– Выйти?! Почему? Я пришел к врачу. Почему мне отказывают в обслуживании?!

Разозлившаяся девушка повышенным тоном, не сдержавшись, проговорила:

– Да потому что под вашим именем, мужчина, написано, что вы задерживали платежи за приемы и наша клиника не предоставляет вам больше услуг!

– Блять. Как это возможно? Всегда платят перед приемом! Или я прошел сразу в кабинет без квитанции? Сколько, мне интересно, я вам задолжал?

Охранник поволок меня к выходу, но я оттолкнул его, даже не повернувшись. Девушка посмотрела на экран, и сказала.

– Нет таких данных.

– Что за бред?!

– В любом случае, оплатите побыстрее, что не оплатили.

– Что оплатить-то нахуй? – разъярился я, и еле сдержался, чтобы не ударить охранника. Она не успела ответить, как он выпер меня на улицу.

5

Что за бред?! Что за блядский бред?! Как такое возможно?! Нет. Почему? «А, цепной ты пидор?» – крикнул я в адрес охранника, давно скрывшегося в помещении. Всё было хорошо. И потом в один день перестали принимать... Я вспомнил последний приём с мамой. Стоп. В тот день я встретил Гришу, этого скользкого мразёныша. Но и что?! Может быть, сбой в системе. Или ...? Да не. Настолько глупо и неправдоподобно. Впрочем, не менее подло может сделать Гришина семья. Неужели так и есть?! К тому же, из-за них меня и уволили. Да нет ...

6

- Да, это их клиника, – сказал мне Вадим, с которым мы встретились в центральном сквере. – А что?!
- Не важно.
- Ладно. Найди тогда другую клинику и уже возвращайся к жизни. Совсем тебя хуёвит на вид.
- Кстати, куда Гриша поступил?!
- В ГИ.
- На Ленина?! Платное?!
- Да... – мы просидели пару минут в задумчивом молчании.
- Чем будешь заниматься?!
- Бичевать.
- Конечно. Такой на дуде игрец, как ты, не пропадет... К слову, ты закончил книгу?
- Я уже и забыл про неё.
- Если и пропадешь, то из-за своей непрактичности. Я вообще не понимаю твою извращённую скромность.
- Хорошо. Я скину тебе. (.)

– Сережа, почему ты раньше мне про неё не говорил?! Вокруг одни агитки самолюбия и высокопарная пошлость. А это без преувеличений вскрытие общественных метастаз, – продолжала эту тему Дарина, к дому которой мы подходили.

– Тебе необходимо писать.

– Спасибо.

– Что ты такой угрюмый?!

Я с умилением продолжительно на нее посмотрел.

– Извини. Я забываю ... – она взяла меня за предплечье и нежно потрепала, покраснев. Я обнял её и погладил по голове. Волосы её имели мягкий душистый запах. Она вздохнула. Было все понятно. Больше не за чем было что-то ждать. И скоро мы с ней снова встретимся. Но не сегодня.

8

Даша ушла, и я бесцельно побрёл в произвольном направлении. Надо мной довлела жалость к себе и неопределенность с больницей. Стоял принципиальный вопрос о роли Гриши и ЕМ в этой истории. Болезненность возможного ответа заставляла меня избегать этой темы. Стоило только подтвердиться моему предположению, что маму не принимали не по случайности, и у меня не осталось бы выбора, кроме мести. Я даже внутри не произносил этой мысли, потому что идти не до конца было бы невозможно. Я курил и бродил по улицам, чтобы не думать об этом. Сначала рядом с домом, потом в другом конце города. Шёл, садился в укромном месте, крутил, закуривал и шёл дальше, всё дальше. Ещё один круг по этой закольцованной петле, но от себя не убежишь. Уже голодный и ослабленный в ночной темени я проговорил себе наконец: «Я не смогу отпустить прошлое. Надо закрыть вопрос. Просто возьму и спрошу у Гриши, ошибаюсь ли я. Это не сложно».

Через 5 минут заканчивается его последняя пара, если верить расписанию. Значит, он пройдет здесь. Так глупо стоять и ждать его. Я выгляжу жалким. А вот и он идет по лестнице. Рядом Эля и подмахивающие шуты, которые всегда чувствуют наглую обеспеченную самоуверенность и скачут. Гриша отвёл глаза на них, увидев меня. Эля поздоровалась. Мне стало неприятно, что она предала мои тёплые отеческие чувства близким контактом с Гришей. Но я был здесь не ради них.

– Гриша, – окликнул я его.

Он с показным омерзением повернулся ко мне и плохо сыграл непонимание.

– Гриша, привет. Можешь подойти ко мне?

Он в полтона сказал:

– Бля, что за бомж?! – и клоуны заржали в припадке лизоблюдства. Давно не испытываемое чувство ярости вспыхнуло во мне, но я выдохнул с закрытыми глазами.

– Ладно. Я пришел спросить одну вещь. Скажи: не из-за тебя меня больше не принимают в клинике твоего отца? – вероятно, я выглядел дико, потому что в его глазах я увидел смущение и почти страх. Эля сочувственно спросила:

– Сергей Михайлович, у вас какие-то большие проблемы?! Вы выглядите уставшим.

– Нормально. Не волнуйся. Гриша, ответь мне.

Он заочевряжился:

– Что, блять?! Вы совсем кукухой поехали? Что за ебанутое сталкерство? Я на вас заяву накатаю, если ещё раз увижу. Пошли, пацаны.

Он повернулся, прошел пару шагов, крикнул Элю и ушел. Теперь я точно знал, кто помешал маминому своевременному медицинскому вмешательству. (–..)

10

– Я убью их! Я убью их! Я убью их! – с мертвенным выражением лица медленно двигался я по балкону туда-обратно в облаке дыма.

– Я убью их. Сначала одного, затем другого. Это меньшее, что я могу сделать за маму. Убить их! Конечно, я убью их.

Я громко припадочно засмеялся:

– Убить обоих, ха-ха-ха!

– Как убить?! Ты с ума сошел?!

– Просто.

– Чёрт, что ты несёшь?! Нельзя убивать.

– Сгинь! Чтоб ты сдох вместе с ними!

– Ты не в себе. Делай тяжки пореже и послушай меня: никто не хотел смерти мамы! Не совершай роковой ошибки.

– Тонкая извивающаяся кишка, заткни пасть.

– Я неразрывен с тобой. Думаешь, это все моя бездумная прихоть?! Что тебе вернёт маму?!

– Циничная гнида. Они убили её. Ты должен быть заодно со мной, а лучше молчать! Или тебе назвать ценник? Плата жизнью за жизнь. Даже двумя жизнями. И я буду отомщён.

– Нанеси урон, забери всю кассу, но не убивай.

– Сразу после их смерти.

– Ты так не поступишь.

«Я справлюсь. Нагряну к ним в гости и устрою ататуй. Попляшем, мрази! Куплю ствол и продырявлю их пустые головы. Нет. Меня очень быстро найдут. Нельзя оставить следов. Смерть должна выглядеть естественной. Хм. Например, пожар. Они же живут в частном доме. Пожар в бане! А они сгорели в ней, предварительно угорев. И я их приведу туда под дулом пистолета. Полью бензином баню и подожгу. А если они предпримут попытку избежать своей участи, я расстреляю их на выходе. Значит, мне нужно их местоположение, плётка, канистра бензина, машина и твердое решение. Я найду их.»

Бычок упал на дно банки, и дверь балкона захлопнулась.

Ворочась в постели, я пытался заснуть. Но без толку было успокаиваться. Я облокотился о стену, включил ноутбук и скачал теневой браузер. Пролистав ссылки по запросу «купить оружие», я стал выбирать пистолет. Дрожащими руками нажал на ПМ, оплатил и стал дожидаться в графе статуса локацию. Сознание немного отставало от происходящего. Чем я занимаюсь?! Неужели это правда?! Вопрос ещё не стоит ребром – я не должен. Школьный учитель, а не головорез. Им и надо остаться. Поэтому останусь, думал я с надеждой. Но намерение крепло и казалось, что уже не избежать фатальности. Об этом говорили вчерашняя встреча с Гришей, болезненные минуты принятия на балконе и вкладка с куплей оружия. Я отсутствовал и чувствовал только душевную тяжесть. (-..)

«Разве я не хотел всю жизнь быть порядочным человеком?! Я думал о том, что приношу пользу и трудился в поте лица. Может быть, моим единственным стимулом было личное обогащение?! Это совершенно не так. Но теперь всё бессмысленно, а винить себя – более того. Отныне я буду винить жирных невежд. Именно они лишили меня всего самого любимого только потому, что я не согнулся при их виде пополам. Похоже, так всегда бывает. Хотя ведь я сам себе мешаю и банально снимаю с себя ответственность. Причиной всему – только я. Всё погибло из-за меня. Чёрт, какая же чушь! Опять лезет это самобичевание. Хватит. Я просто хочу что-то сделать ...»

Сегодня был день учителя. Но не было мыслей о заметках о ведении урока, ни о литературном анализе, ни о школьных звонках.

Вместо этого я шел взять у Вадима машину, якобы съездить на дачу. Он знал, что у меня нет дачи. И приложение каршеринга было установлено на мой телефон. Но по умолчанию мне доверились. Поэтому в метрах 50ти я следовал за машиной Гришиного водителя, заранее подождав его выхода из ГИ. Спокойно, меняя ряды, я ехал за ними, надеясь на свою незаметность. Дорога прекратилась только около забора их коттеджного поселка. Припрятав машину подальше на лесной тропе и найдя подходы поближе, я нацелил окуляры. Стояло много особняков, и в большинстве из них не было жизни. Но в конечном итоге я разглядел Элю, которая на секунду показалась из-за угла с фрисби в руках. Значит, цель была найдена.

«УК РФ Статья 105. 2. Убийство: двух или более лиц – наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью». Я глубоко затаился Зваром. Мои руки тряслись. Визионер во мне отчётливо видел заключение под стражу худого и истомленного мужичка. Бедолагу вели в наручниках. Он знал, на что шел, и оказался на скамье подсудимых. Тяжкая статья, решетка, казематы и беспощадная справедливость. Ведь многие поняли бы его и наплевали на сделанное, узнав о том, что речь шла о семье. Но закон накажет того, кто ответил обидчикам, и будет болтаться между ног морали. Правосудие навесит ярлык «преступник» на человека, который отомстил убийцам матери. Хотя кем я буду, если не им?! Как же мне плохо! Ебучий Звар. Я разозлился и швырнул сигарету в окно.

Да почему вдруг я обвинил в смерти мамы их? У нас, что, одна платная клиника в городе?! Просто мне так легче. Бродить, выслеживать, скакать по лесам, как сраный скаут. И так понятно, что ничего нельзя сделать».

Я, пошатываясь, встал, предплечьем оперся о стену и беззвучно заплакал. (–)

10. 9. 8. 7. 6. 5. 4. 3. 2. 1. Руки, скрещенные над головой. Смит лежал в нокауте. Я выключил звук спортивного канала и вышел на балкон. Рома ругался по телефону и вопросительно повернулся ко мне. Я провел рукой по шее, и он злобно хлопнул по лбу.

– В смысле, почему я ору?! Она, блять, в 7 классе... Какое время сейчас? Что ты несёшь?... Мне плевать на её подруг. Балуется она. Так надо всыпать под жопу, чтобы не баловалась. И думать головой будет... Не беси меня, а... Да, часов в 12. Целую.

Рома налил водки себе и мне.

– Как проиграл?

– В седьмом раунде нокаутом.

– Уже не вернётся.

– Плевать.

– Да уж... У меня дочь, оказывается, вейпит. А жинка её оправдывает, мол у неё переходный возраст, что сейчас все с этими подами. Ну да, конечно.

Я молчал.

– Нет. Я понимаю, что это не страшно. Но... Ладно. Расскажи, как ты. Давно не общались по-хорошему. До сих пор хочешь преподавать или будешь другой заработок искать?

Не реагируя на него, я медленно вращал сигарету в руках, вдыхая мягкий медовый запах табака. «Знаешь, что сейчас происходит? – спросил я риторически, смотря на огонь. – Внутри меня никотиновый дым. Алкалоиды, содержащиеся в нем, оказывают действие на нейромедиаторы – ацетилхолин. Нервная система возбуждается и смягчает моё восприятие реальности. Выделяется дофамин и проникает в кровь. Мой настрой повышается. Синапсы привыкают к этой реакции, и я уже жду того момента, как моя рука проникнет в кигет с блендом. И пока полная гильза дымится, я хвалю консистенцию табака.

А в дыме содержатся тысячи токсинов, вызывающих «Импотенцию», «Эмфизему», «Парадонтоз», «Онкозаболевание» и мои любимые «Страдание», «Опасность» и «Самоничтожение». Что там ещё? Хорошо, что я не подсел на более серьезные алкалоиды в школе. Но и курить я очень люблю. Потому что курение – эстетичное успокоительное. Иначе бы никто уже не курил не в жизни, не в эффектной киношной картинке. Но я брошу, это просто грёбаный антураж. Не хочу помереть рано, как Чезаре Коломбо. Суть не в том. У меня просто нет любимого дела. Меня его лишили».

«А ты же знаешь, как я люблю литературоведение. Я получаю настоящее удовольствие, когда вижу применение языка вне мертвой дилетантской журналистики или ситуаций вроде драк с хабалистой бабкой в транспорте. Хороший текст имеет высокую ценность.

Эпос отождествляет нас с людьми прошлого, чтобы мы не повторяли их ошибок. Лирика отрывает нас от камней, фрикций и обогреваемого сидения. Драма напоминает, что мы люди. Всё это есть, как и историческая, научная, документальная литература. Но в будничной волоките не отрвешься от вывесок, блядских статей или дебильных паст. И в итоге мы имеем невежество на всех уровнях.

Одни орут про своё место на политических координатах, апеллируя к историческим пасхалкам из мемов, другие – все свободное время играют в казуальную бредятину, третьи смотрят интервью дебилов, взятые у дебилов. Но в этом спёртом воздухе никто даже не хочет открыть окно». (.-)

«И ирония заключается в том, что чем больше я сокрушаюсь, тем больше события последних месяцев моей жизни напоминают мне сюжет художественной книги. В ней герой учителя пытается внести свою посильную лепту, чтобы сделать мир вокруг лучше. Но вдруг его мать погибает, и он видит перед глазами только её заблеванную кровью подушку. Его почти лишают человеческого достоинства и средств к существованию. А далее все каноны реализма требуют, чтобы учитель экстраполировал злость в разочарование жизнью. Но я не пойду на поводу этих догматов. Мне нужна вера, что у меня ничего не заберут. Возможно, из-за этой веры я стану более бесчеловечным, нежели обрету добродетель смирения. Ничего не поделать. Потому что всё равно я буду мстить. И сейчас самое время. Понимаете, ублюдки?»

У противоположной стены в полу валялись связанные отец с сыном. Во рту у них были кляпы, приглушавшие визг. Их дергавшиеся ножки смешили меня.

– Какие вы жалкие! – я плюнул в их сторону. – Представляете, как бывает?! Сначала куражитесь, а потом оказывается, что не всё прощительно. Я потушил сигарету и встал, подпрыгнув. – Как я ждал этой минуты! Я же не судья, но вы вынудили меня примерить эту мантию.

Они следили со страхом за моей рукой, которая взяла со стеллажа нож.

– Кровь отмоеся кровью, и наконец-то справедливость восторжествует. Настанет время, чтобы жить!

Я выпил стакан водки и проговорил.

– Пора!

Схватив за волосы ЕМ, я грубо оттолкнул его голову от стены, встал за спиной и резким движением перерезал его горло. Пульсирующая кровь захлестала в разные стороны, а Гриша заорал, пытаясь ногами оттолкнуться подальше. Но я ещё крепче дёрнул его за волосы, что даже бедра оторвались на секунду от земли. Лезвие прошло по его шее. Стало тихо.

Медленное сердцебиение отдавалось в ушных перепонках. В такт ему я тихо шагал в направлении ванной комнаты. Кровь капала с моих ладоней, пачкая пол. Внутри как будто звучали ужасающие крики, перебиваемые скрежетом. Я улыбался своим красным рукам, с которых струилось всё обильней. Перед моими глазами раковина расширилась воронкой и разлилась в алую бурлящую реку. Я уже стоял по колени в смертельном вареве, а вокруг усиливался лязг и вопль. В него врывался дьяволиный гогот. Он кружил бесчисленными бесами в пламенном небе. Я накрыл голову рукой скрыться от слепившей глаза пагубной сферы. Но меня пронизывал этот мучительный смех и с болью тормозил мою грудь. Я сжимал её руками, но пляшущая душевная резь росла от сатанинского безумия. Я упал на колени, больше не будучи в силах сдержать свое тело, и уронил голову вниз.

В отражении стоял сатана. Мои рога вспыхнули, кровавая равнина наполнилась кошмарным предсмертным воплем и зеркало треснуло. (/)

Рома тормозил меня:

– Серёга, ты что спишь?!

Я протёр глаза.

– Так нормально и не пообщались. Мне надо домой. Жена

позвонила.

Мы дошли до двери и побратались. Он оделся и сказал:

– Возвращайся в норму, друг.

– Давай, Ромчик.

Попрощались. Я дошёл до кухни, открыл холодильник, взял рис с котлетами, разогрел, перебился, выпил стакан отвёртки, помылся и лёг в кровать.

Было тоскливо и пусто. На стену падал раздражающий ярко оранжевый свет заката. Почти как в том бредовом сне. Я нацепил повязку на глаза, повернулся на правый бок и с усилием заснул.

Пробудившись, я повернулся на левый бок. С открытыми глазами, смотря на меня, лежала Дарина. Мы обнялись, и я крепко прижал её к себе. Наверное, она опять не спала, потому что читала всю ночь в моем старом кресле на балконе, или только проснулась. Не важно. Главное, что любила и я её любил. Мы стали близки недавно, и она часто оставалась у меня. Мне нравилось забывать в такие дни про свои мысли.

Я не делился с ней своими намерениями, и Даша, видя мою мрачность, ничего не спрашивала. Это было к лучшему. Совсем бы не хотелось выворачиваться и врать. Без того было тяжело. Я понимал: больше не будет так хорошо, как сейчас. Поэтому сегодня мы долго не засыпали, любили друг друга, обнимались и говорили.

- Дашуля, не приходи ко мне сегодня, пожалуйста.
- Почему? – она сморщила нос.
- У меня есть одно дело.
- Ну ладно. Храни свои секреты. Любишь меня?
- Конечно, люблю, – я поцеловал её.
- И я тебя люблю. Тогда завтра расскажи, что делал.
- Хорошо.

Мы стояли у двери, и я любовался ей, как в последний раз. Она была прекрасна. Не дешевила с лишней косметикой и косметологией. Её черные волосы были нетуго собраны кверху, а черное платье с воротничком так подходило к её серьезному и весёлому лицу. Хотя важнее было то, что она просто была моей. (.-.-)

Уже был вечер. Нужно было готовиться. Я встал с дивана и, с трудом преодолевая себя, достал рюкзак. Затем прошел в спальню, под свитерами нашарил коробку и переложил в рюкзак все пачки. Туда же отправился паспорт, все документы, несколько пар нижнего белья и трико. Завтра я доложу зарядку и перекус. Оружие захвачу на месте.

«Ухожу в бега», – произнёс я вслух, остановившись посреди комнаты, и громко засмеялся. Кто бы поверил в это?! Да и я не верю... Придется пару месяцев или лет шататься, пока я не пойму, что на мне нет подозрений. Или больше никогда не вернусь... Нет. Не за чем об этом говорить.

Звук уведомления. Сообщение от Рафа.

«Знаешь, брат, я так устал. Уже лет 5 я распыляюсь на всякую чепуху. Когда-то я подумал, что мне нужен промискуитет, и он стал моей привычкой. С тех пор эта случка-самоцель только опустошает меня и тратит мои силы. В первые дни с каждой девочкой мне, конечно, кажется, что этот интим крупным планом не просто физиология в сухом остатке. Ты начинаешь придумывать себе купидончиков. Но уже через неделю очевидно, что опять лжешь, потому что, кроме страсти, нет ни видения совместной жизни, ни ее желания. Возникает вопрос, в чем смысл, и в конце концов я ответил на него: «любовь», которая означает заботу и незыблемое принятие друг друга. Ближе всего к этим понятиям мама. Поэтому мама – первое слово. Мама – самое главное... Я хочу семью.»

Выключил экран и затаился. Дым с паром вышел в холодный осенний воздух. На конце сигареты горел огонь. Из комнаты был еле слышен Рахманинов, а мокрая листва шумела от промозглого ветра. Я задумчиво посмотрел вдаль.

«Наверное, Даша была бы хорошей мамой. Скоро бы состоялась наша свадьба, и мы съехались. Я бы понемногу продолжал учить детей, растил бы с ней наших. Маленькими шагами шло бы моё движение к открытию собственной школы, ведь эта мечта никогда не была ошибкой. Насколько бы идеалистично это мне ни казалось, я делал свое дело... А, может, я бы послушал Вадима и Дашу насчёт моей способности писать и выпустил книгу про этого несчастного учителя, которого лишили самого главного в жизни, и он начал мстить. Пожалуй, больше не было бы эпистолярки Рафа, потому что он стал семьянином, а мои кисеты Звара полетели в мусорку... Было бы очень хорошо». (.-.-.)

Куртка покрылась мелкими каплями. Редко раздавались всплески от проезжавших колёс. Я безразлично стряхивал пепел и следил за редкими прохожими.

– Как я люблю тебя, мой родной балкон. Мне всегда нравилось вот так мечтать и думать здесь. Жаль, что я уезжаю. Наверное, очень надолго. И мне придётся с тобой попрощаться. Я не покидал бы тебя, но...

– Бы! Условное наклонение тут не лишнее.

Я затушил бычок и покинул балкон.

Вокруг шумел лес. Был полдень. Вдалеке лаяли собаки. Я глубоко вдыхал свежий хвойный воздух. Дрожащие руки вкладывали в магазин патроны, на которые был опущен мой взгляд. Чтобы быстрее бежать, я привязал канистру к рюкзаку, затем поставил на предохранитель пистолет, положил его в карман куртки и упал на спину. Вверх уходили длинные колышущиеся стволы. Я смотрел на них и понимал: это последние минуты моей спокойной жизни. Я засек их, чтобы навсегда притупить эту боль. 5 минут.

Их было достаточно, чтобы вспомнить вчерашний день, в котором было место всему самому настоящему.

Жаль только, что этого всего больше не будет.

Таймер неприятно зазвенел. Я еле встал и накинул рюкзак на плечи. Нужно было идти, а я стоял и ждал, что мои ноги примерят копыта и на голове вырастут рога. Стоял уже больше минуты и не находил в себе сил – это был не сон. «Пора», – проговорил я, собравшись, и продвинулся только на шагов десять.

Вдруг мне в голову пришла мысль, что я не могу не написать Дарине, как я её люблю и извиниться перед ней. Я зацепился за неё, чтобы ещё чуть-чуть отложить страшную явь.

Я разблокировал телефон. Зашёл в мессенджер и открыл переписку с ней. От неё было непрочитанное сообщение. К многоточию было прикреплено фото. На нем она смеялась и держалась за живот. У меня помутнело в глазах. Я поморгал и приблизил изображение. Это был не сон.

У меня схватило сердце. Я присел на колени и зарыдал. Пистолет вылетел из моей руки. (.-.-.)

Посвящается нашим учителям!

Автор

[Telegram: Миша Беров](https://t.me/misha_berov) (https://t.me/misha_berov)

[VK: Миша Беров](https://vk.com/misha_berov) (https://vk.com/misha_berov)